

Российская академия наук
Институт всеобщей истории
Центр истории Византии
и восточнохристианской культуры

Каптеревские чтения

15

МОСКВА – СЕРПУХОВ
2017

К ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАСЛЕДНИКЕ ВАСИЛИЯ III МЕЖДУ 1505 И 1530 ГГ.*

Р.Ф. Иглесиас

Ключевые слова: наследник, Московское (Русское) государство, великий князь, завещание, престолонаследие, Василий III, братья, уделы, компромисс, развод, Клин, Городень, Юрий Дмитровский, Дмитрий Углицкий, Андрей Старицкий, князь Ф.М. Мстиславский, Казань, царевич Петр Ибрагимович, летописи, бездетность, гипотеза, А.А. Зимин, биография, зять.

В первой части статьи была рассмотрена проблема престолонаследия в контексте конкурирующих традиций передачи верховной власти в Московском государстве со времени его возникновения, через династический кризис конца XV — начала XVI вв., вплоть до смерти князя Дмитрия Ивановича Углицкого в феврале 1521 г. Последнего мы, взвесив все имеющиеся в нашем распоряжении фактические данные, предложили рассматривать как наиболее вероятного кандидата в наследники великого князя Василия III, избранного последним на случай своей бездетной смерти. Там же был представлен анализ конфликта, возникшего между Василием III и Дмитрием Углицким (а также, быть может, Юрием Дмитровским) в 1519–1520 гг., и изложены его возможные причины. К сожалению, не только возникновение и подробности, но и итог этого столкновения между двумя братьями (Василием и Дмитрием), которых до тех пор были основания считать близкими союзниками во внутриаполитической борьбе, остаются совершенно неизвестными. Неизвестно также, восстановились ли их отношения и политический союз в середине 1520 — начале 1521 г., пока князь Дмитрий

* Окончание, начало см.: Каптеревские чтения: Сб. статей. М., 2016. Вып. 14: Афон в истории и культуре Христианского Востока и России. С. 246–296.

был еще жив, как и то, каким образом повлиял этот конфликт на предполагаемые виды великого князя на Дмитрия как своего возможного преемника. Показания Повести о преставлении Дмитрия Углицкого, дошедшей до нас в составе Типографской (Синодальной) летописи, кои послужили одним из основных источников для нашей гипотезы, представляют собой, как уже было отмечено, торжественный церковный панегирик удельному углицкому государю и не могут быть надежным источником информации абсолютно во всех сообщаемых деталях. Поэтому тот ореол возлюбленного брата и наследника «царства», в котором, согласно летописной повести, преставился князь Дмитрий, не может служить надежным указанием на то, что он сохранял свой высокий статус до самой кончины. Повесть особо подчеркивает, что великий князь, вопреки горячему желанию угличан не отпускать из города прах своего любимого государя, властно настоял на его погребении в Москве. Даже если этот эпизод о споре за место упокоения Дмитрия не является риторическим преувеличением, он все равно не может служить неоспоримым аргументом в пользу того, что Василий III считал Дмитрия своим наследником до самой смерти последнего. Архангельский собор Кремля был усыпальницей всего московского великокняжеского рода (его мужских представителей), сакральным символом преемственности и незыблемости верховной власти и единства правящей династии в его высшем, метафизическом понимании. В нем были погребены и соперники правящих государей, потерпевшие в конечном итоге поражение в борьбе за власть и окончившие жизнь фактически в ранге государственных преступников (Дмитрий Внук, Юрий Дмитровский, Андрей Старицкий)¹. Намного более убедительным свидетельством является само место упокоения князя Дмитрия Ивановича в пространстве собора. Его гробница помещена не у западной стены, где хоронили удельных князей, и не у северной, где обычно погребали опальных членов рода, а у южной стены собора, среди почивших великих князей и их наследников². На той же стене должно было находиться

¹ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРА). СПб., 1859. Т. 8. С. 248; СПб., 1904. Т. 13, 1-я пол. С. 8; СПб., 1910. Т. 23. С. 198; *Сизов Е.С.* К атрибуции княжеского цикла в росписях Архангельского собора // Государственные музеи Московского Кремля: Материалы и исследования. М., 1976. Вып. 2. С. 67; *Он же.* Русские исторические деятели в росписях Архангельского собора и памятники письменности XVI в. // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) (далее — ТОДРА). М.—Л., 1966. Т. 22. С. 270.

² ПСРА. Пг., 1921. Т. 24. С. 221; *Сизов Е.С.* К атрибуции княжеского цикла в росписях Архангельского собора. С. 66, 88, 94, 95. Ни один из

ся изображение Дмитрия, при последующих поновлениях, вероятно, утраченное³. Сама скоропостижная смерть Дмитрия Углицкого, как уже говорилось, оставляет открытым вопрос о возможности его насильственного устранения, главной заинтересованной стороной которого мог быть, в зависимости от неизвестного нам исхода ссоры между братьями в 1520 г., как Василий III, так и Юрий Дмитровский⁴. Однако погребен он был, по всей видимости, в ранге наследника престола.

Следует сразу оговориться, что внешне, насколько можно судить по показаниям летописей, разрядных книг и других источников, отношения между Василием III и двумя его оставшимися в живых братьями, Юрием Дмитровским и Андреем Старицким, на протяжении всего этого периода остаются по-видимому достаточно равными и лояльными. Ни один из поддающихся датировке конфликтов между братьями, как можно видеть из критического обзора, представленного в первой части настоящей статьи, не приходится на этот отрезок времени. Хотя в историографии можно встретить прямо противоположные утверждения, все они

остальных младших братьев Василия III не был удостоен подобной чести. В научно-популярной литературе высказывалось мнение, что такое захоронение Дмитрия было вызвано отсутствием свободного места у западной стены (*Панова Т.Д.* Кремлевские усыпальницы: История, судьба, тайна. М., 2003. С. 56). Это не только неверно фактически (вся северная половина западной стены так и осталась незанятой погребениями), но и не может объяснить выбор места именно у южной стены, рядом с великокняжескими могилами, а не в какой-либо другой части собора.

³ *Сизов Е.С.* К атрибуции княжеского цикла в росписях Архангельского собора. С. 66, 72, 88. Автор считает, что соседние изображения двух похороненных рядом одноименных князей (Дмитрия Ивановича Донского и Дмитрия Ивановича Углицкого) были сочтены при возобновлении стенописи в XVII в. за повтор одного и того же "портрета", поэтому занимаемое вторым из них место в новой росписи собора было оставлено незаполненным.

⁴ Упоминание в третьем послании А. Курбского Ивану Грозному о неких не названных по имени углицких князьях (названных в тексте просто «Углецкими»), загубленных «издавна кровопивственным родом» московских правителей, привело комментаторов в недоумение, поскольку, как они справедливо отмечают, известен лишь один углицкий князь, ставший жертвой репрессий — Андрей Васильевич Большой, брат Ивана III (Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 109, 409). Однако очевидно, что Курбский имел в виду не только самого удельного князя, но и его детей, также подвергшихся репрессиям (ср.: *Курбский А.М.* История о делах великого князя московского. М., 2015. С. 132). Остается только согласиться с авторами комментария в том, что к Дмитрию Ивановичу Жилке эти строки никакого отношения не имеют.

основаны на неоправданно смелом и вольном толковании источников либо исходят из заранее принятой посылки о неизбежной, непрерывной и все более обостряющейся борьбе центральной власти с силами «удельного сепаратизма», а потому остаются чисто умозрительными. Не претерпевали, по всей видимости, никаких изменений и уделы младших братьев великого князя — актовый материал, содержащий, правда, значительные хронологические и территориальные лакуны, подтверждает тот же состав их владений, какой был предусмотрен еще завещанием Ивана III⁵.

⁵ Лишение Юрия Дмитровского Кашина (см. первую часть этой статьи: Каптеревские чтения. Вып. 14. С. 275, прим. 92), если и имело место, было очень кратковременным. Но даже такая возможность сомнительна. Жалованная грамота Василия III, выданная в августе 1518 г., но известная в очень поздней копии, содержит довольно редкую формулировку: подтверждая Тверскому Отрочу монастырю право владения, среди прочего, некоторыми землями Кашинского уезда, она в то же время называет Кашинский уезд принадлежащим князю Юрию Ивановичу (*Кашитанов С.М., Назаров В.Д., Флоря Б.Н.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в.: Часть третья // Археографический ежегодник за 1966 г. М., 1968. С. 206). Однако в сентябре и октябре 1518 г., а также в августе 1517 и в октябре 1519 гг. кн. Юрий определенно владел Кашином и осуществлял там свои права сюзерена: Акты Троицкого Калязина монастыря XVI в. М., 2007. № 23–25; Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в. / Сост. А.В. Антонов, К.В. Баранов. М., 1997. Т. 1. № 105. Похожий случай произошел в августе 1525 г., когда Василий III подтвердил передачу Троице-Сергиеву монастырю частным лицом одного из сел в Старицком уезде, «в брата нашего отчине князя Андрея Ивановича», на которое в июне того же года была выдана кн. Андреем жалованная обельно-несудимая грамота (*Кашитанов С.М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958. С. 333; Акты Русского государства: 1505–1526 гг. / Сост. С.Б. Веселовский. М., 1975. № 250; ср.: *Кашитанов С.М., Назаров В.Д., Флоря Б.Н.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в.: Часть третья. С. 208; Акты Русского государства. № 249; обратим внимание, что подтверждалась не жалованная грамота кн. Андрея, а вклад П.В. Киндырева, который, возможно, не служил старицкому князю, при этом прерогативы последнего как удельного государя Старицы прямо не затрагивались, к тому же сам факт подтверждения был вызван порчей оригинала «данной» грамоты (Там же. № 236). Может быть, в этих актах Василия III прослеживается тенденция к усилению великокняжеского контроля над уделами братьев (или над земельными приращениями расположенных на землях самого великого князя монастырей), но они не дают оснований к пересмотру границ уделов. Далее, А.А. Зимин ошибочно утверждал, что из удела Юрия Ивановича Василием III была изъята волость Сурожиж (*Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени: Очерки политической истории России первой трети XVI в. М., 1972. С. 98; это

Соблюдалось, судя по всему, и содержащееся в нем положение, лишавшее младших братьев прав на долю в выморочных уделах, которые целиком отходили великому князю. Все предположения о претензиях, которые могли выдвигаться удельными князьями на земли, входившие в состав уделов их покойных братьев, остаются догадками, не подтвержденными показаниями источников. Напротив, мы имеем за эти годы немало положительных фактов сотрудничества между братьями и выполнения ими своих союзнических обязанностей по отношению друг к другу (совместное участие в отражении татарского вторжения в июле–августе 1521 г., совместное превентивное выступление на Оку в 1522 г.,

утверждение повторено недавно в популяризаторском издании из серии «ЖЗЛ», с тем вполне произвольным дополнением, что волость была отобрана «в 1507—1507 годах» (так!): *Филюшкин А.И.* Василий III. М., 2010. С. 135). На самом деле эта волость числится в составе земель, переданных Василию, уже по завещанию Ивана III: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Отв. ред. С.Б. Бахрушин. (далее — ДиДГ) М.; Л., 1950. С. 354, 386; также см.: *Каптанов С.М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967. С. 212, 213; противоположное утверждение (*Зимин А.А.* Дмитровский удел и удельный двор во второй половине XV–первой трети XVI в. // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., 1973. [Вып.] 5. С. 184) является очевидным недоразумением. Следовательно, она с самого начала правления Василия Ивановича составляла часть великокняжеского домена. Ошибка известного историка продолжает свою жизнь в историографии: *Рахимзянов Б.Р.* Большеордынские выезды в Московию конца XV — первой половины XVI вв. // *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья: Сб. статей.* Казань, 2013. Вып. 3. С. 209. Также неверным является утверждение А.А. Зимина, что «князь» Юрьевским Звенигородом между 1515 и 1517 гг. якобы владел Абд-ул-Латиф (год его смерти тоже указан ошибочно — «1518») (*Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. С. 282; *Он же.* Дмитровский удел и удельный двор во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 186; вслед за ним: *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 145). В действительности тот владел Звенигородом намного раньше, еще при Иване III, а в указанное время (с 1516 г.) имел в качестве кормления Каширу (ПСРА. Т. 6. Вып. 2. Стб. 406, 407; Т. 8. С. 260; Т. 13. 1-я пол. С. 25; СПб., 1910. Т. 20. 1-я пол. С. 391; М.-Л., 1963. Т. 28. С. 351; М., 1965. Т. 30. С.143; Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 167, 168; *Каптанов С.М.* Социально-политическая история России... С. 72, прим. 231; *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991. С. 72; *Зимин А.А.* Россия на пороге Нового времени. С. 177). Какие-то земельные обмены между Юрием Ивановичем и Василием III, по-видимому, имели место (Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960. С. 44), но ни из чего не следует, что они достигали масштаба целых волостей и уездов.

совместный поход на Казань, позже отложенный, в 1523 г., участие «братья» в совещаниях великого князя с боярами в 1522–1523 гг. и пр., в 1524 г. упоминаний о подобных фактах нет)⁶.

Обращает на себя внимание еще одно событие, уже отмеченное исследователями в связи с его возможной ролью в политической борьбе того времени. В мае 1521 г., всего несколько месяцев спустя после смерти Дмитрия Углицкого, состоялось торжественное «обретение мощей» почившего еще в конце XV в. подвижника и игумена Макария Калязинского, основателя названного его именем монастыря, располагавшегося на удельных землях Юрия Дмитровского. Сам князь Юрий с большим воодушевлением воспринял эту новость и лично принял участие в торжествах. Он же приложил усилия к скорейшей канонизации новоявленного чудотворца, состоявшейся уже при митрополите Данииле в 1523 г.⁷ А.А. Зимин нисколько не сомневается в политическом характере этого события и, как и следовало ожидать, напрямую связывает его с властными амбициями Юрия Ивановича и обострением его противостояния старшему брату. Безусловно, близкое совпадение двух важных дат и значительная политическая, репутационная и материальная выгода, которую Юрий мог извлечь из по-

⁶ За 1521–1524 гг.: ПСРА. СПб., 1853. Т. 6. С. 264; Т. 8. С. 269, 270; Т. 13. 1-я пол. С. 39; Т. 20. 1-я пол. С. 402; Т. 24. С. 221, 222; М.-Л., 1959. Т. 26. С. 311, 312; Т. 30. С. 146; М., 1978. Т. 34. С. 14, 15; Шмидт С.О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. (далее — ПХ 1512) // Исторический архив. М.-Л., 1951. Т. 7. С. 280, 281; Тихомиров М.Н. Новый памятник московской политической литературы XVI в. // Он же. Русское летописание. М., 1979. С. 161; Разрядная книга 1475–1598 гг. / Ред. В.И. Буганов. М., 1966 (далее — РК 1598). С. 66, 68, 69; Разрядная книга 1475–1605 гг. / Ред. В.И. Буганов. М., 1977 (далее — РК 1605). Т. 1, ч. 1. С. 181; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским (далее — ПДСПЛ) / Ред. Г.Ф. Карпов. СПб., 1882. Т. 1 (Сб. Русского исторического общества. Т. 35). С. 664, 666, 675.

⁷ ПСРА, Т. 8. С. 269; Т. 13. 1-я пол. С. 37; Т. 20. 1-я пол. С. 401; ПХ 1512. С. 280, 281; Жмакин В.[И.] Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. С. 214, 215; Васильев В. История канонизации русских святых // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете (далее — ЧОИДР). 1893. Кн. 3. Отд. 3. С. 160; Голубинский Е.Е. История канонизации святых в русской церкви // ЧОИДР. 1903. Кн. 1. С. 83; Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 256, 257; Он же. Дмитровский удел и удельный двор во второй половине XV–первой трети XVI в. С. 186, 187. Кн. Юрий и позднее проявлял интерес к «своему» святому: Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря... // ЧОИДР. 1881. Кн. 3. Отд. 2. С. 153 (расспросы Юрия о Макарии в марте 1524 г.).

явления в его уделе нового святого и учреждения соответствующего культа, наводит на подобные размышления. Тем не менее, прямой сговор между князем Юрием и властями Макарьева Калязинского монастыря не может быть доказан, а известную автономность церковной жизни от интересов политики все же нельзя отрицать. Возможно, явление мощей было спланированной акцией, призванной укрепить позиции Юрия Ивановича на новом витке политической борьбы, развернувшейся после смерти князя Дмитрия (у ее предполагаемых организаторов было три месяца на подготовку — вполне достаточный срок). Но также возможно и простое совпадение этих событий. Князь Юрий мог не иметь никакого отношения к произошедшему в стенах монастыря явлению, объявленному чудом, и лишь затем поддержать его своим авторитетом и использовать в своих интересах. Обретение мощей прп. Макария явилось важным событием, имевшим как религиозное, так и политическое значение. Согласие по поводу канонизации Макария Калязинского, достигнутое между Василием III, митрополитом Даниилом и Юрием Дмитровским, может служить признаком хороших отношений между двумя старшими сыновьями Ивана III в эти годы⁸.

Из всего этого можно сделать осторожный вывод, что в 1520–1521 гг. между Василием III и его младшими братьями был достигнут некий взаимоприемлемый *modus vivendi*, разрушенный, вероятно, лишь в 1525–1526 гг. скандальным разводом великого князя и его вступлением в новый брак⁹. А.Л. Хорошкевич отмечает рост после 1521 г. числа упоминаний в источниках об участии в принятии важных решений братьев и бояр Василия III, которое почти сошло на нет после первых лет его правления¹⁰. Исследовательница связывает это с ослаблением позиций великого князя после татарского разгрома центральных областей государства летом 1521 г. Вместе с тем, лояльность, проявленная младшими братьями в ходе этих событий, также могла способствовать примирению и более широкому привлечению Юрия и Андрея к государственным делам. У нас нет достаточных причин сомневаться

⁸ А.И. Плигузов и Г.В. Семенченко полагают, что митрополит Даниил поддержал решение о канонизации вопреки интересам Василия III (*Плигузов А.И., Семенченко Г.В. Митрополит Даниил и вопрос о наследнике Василия III // Русская книжность XV–XIX вв. М., 1989. С. 141, 142*). Едва ли для такого вывода имеется достаточно оснований.

⁹ Важность этого хронологического рубежа подчеркивалась уже давно, например: *Каштанов С.М. Социально-политическая история России... С. 269*.

¹⁰ *Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI вв. М., 2001. С. 196*.

в том, что Юрий Дмитриовский был готов уважать права и прерогативы старшего брата как главы династии и государя всея Руси, однако лишь при условии, что и со стороны последнего будет проявлено уважение к его законным, с точки зрения родовых традиций, имевшим силу написанного закона¹¹, правам на великокняжеский престол в случае бездетной смерти Василия III. Эти свои права, обусловленные высоким происхождением и старинным обычаем, князь Юрий весьма ценил и не думал от них отказываться. Об этом говорит, в частности, неизменная надпись на его печати: «Князь Юрий Иванович, сын великого князя»¹². Напомним, что право наследования следующего по старшинству брата после брата, не оставившего прямых наследников, еще ни разу до тех пор не подвергалось сомнению и теоретически нисколько не пострадало, в силу очевидных причин, вследствие постепенного утверждения прямого нисходящего порядка престолонаследия.

Не следует ли из этого, что в 1520 или 1521 г. за Юрием был наконец признан статус наследника престола? На это указывают и слова А.М. Курбского, объясняющего настойчивое желание Василия III иметь собственное потомство его нежеланием передать власть брату Юрию¹³. К временному выбору в пользу Юрия Василия III могли подтолкнуть как его размолвка с Дмитрием Углицким, так и, в случае их последующего примирения, внезапная смерть последнего, разрушившая все прежние комбинации. Остававшийся теперь наиболее естественный (и наименее спорный по тогдашним обстоятельствам) выбор между Юрием и Андреем мог, конечно же, быть разрешен и в пользу младшего из братьев, однако такому выбору должны были, очевидно, помешать некоторые важные причины. Во-первых, Андрей, лишь в 1518 г. получивший назначенный ему удел, не успел еще приобрести необходимого политического веса, был слишком неопытен в большой политике, что снижало его шансы утвердить свое положение, после смерти Василия III, в

¹¹ Подробнее об этом см. в первой части статьи.

¹² ДиДГ. С. 576. Та же печать представлена на многих актах.

¹³ «[...] не хотяше властеля быти брата его по нем [бо имѣл брата Юрья зѣло мужественнаго и добранравнаго [...]]»: *Курбский А.М.* История о делах великого князя московского. С. 150. Источник довольно поздний и небеспристрастный, но хорошо осведомленный и единственный, дающий нам прямое указание на то лицо, которое могло или должно было стать преемником бездетного Василия III в период после смерти Дмитрия Углицкого. Ту же мысль, но без указания имени брата и несколько смешивая события, высказал в первой четверти XVII в. П. Петрей: *Петрей де Ерлезунда П.* История о великом княжестве Московском... М., 1867. С. 116; *Масса И., Петрей П.* О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 235.

открытом столкновении с князем Юрием. Во-вторых, такое решение было чревато возобновлением противостояния с Юрием и его влиятельными приверженцами, которое великий князь, возможно, не мог себе позволить по соображениям внешнеполитического порядка¹⁴. Наконец, нам ничего не известно о позиции, занятой Андреем Старицким во время политического кризиса 1519–1520 гг. Она могла быть как благоприятной великому князю, так и враждебной ему или нейтрально-уклончивой, что также могло быть воспринято тем как оскорбление и предательство со стороны своего бывшего протеже. Так или иначе, выбор в пользу Юрия должен был, восстановив традиционный и общепризнанный порядок внутривидовых отношений, устранить основную причину напряженности между братьями. Скорее всего, именно такой выбор и был сделан тогда Василием III, что на время смягчило конфликт между двумя старшими Ивановичами¹⁵.

Единственным фактом, хотя и предполагаемым, но вполне вероятным, который говорит за сохранение напряженности и недоверия между Василием III и его младшими братьями, является ставшее уже хрестоматийным запрещение последним жениться. Такой вывод вполне объяснимо делается из того известного обстоятельства, что все они умерли неженатыми, за исключением Андрея, свадьба которого, однако, состоялась лишь после появления на свет у великокняжеской четы второго сына¹⁶. Очень по-

¹⁴ Подробнее об этом см. в первой части статьи.

¹⁵ Официальный московский свод 1533 г. называет под 1521 г. (в рассказе об открытии мощей Макария Калязинского) князя Юрия благоверным князем Георгием Ивановичем Московским (ПСРА, Т. 8. С. 269; Т. 13. 1-я пол. С. 37; Т. 20. 1-я пол. С. 401). Это уникальный случай такого титулования в летописании, любопытный также своей связью с процессом канонизации прп. Макария. А.А. Зимин прямо увязывал это выражение летописца с акцентуацией прав Юрия на престол (*Зимин А.А. Дмитровский удел и удельный двор во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 186*). В июне 1523 г. одна из иосифо-волоколамских рукописей была датирована одновременно правлением Василия III и его удельных братьев Юрия Дмитровского и Андрея «Городецкого» (*Книжные центры Древней Руси: Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР; Государственный Исторический музей; Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1991. С. 237*), что представляет собой крайне редкий случай.

¹⁶ То, что Юрий даже и после этого (предположительно) не получил разрешения жениться, обычно объясняется особой враждебностью к нему Василия III. Даже если принять такое объяснение, мы не можем механически переносить новое обострение отношений между братьями, совпавшее с последними годами жизни Василия Ивановича и имевшее свои особые причины, на первую половину 1520-х гг.

хоже, что такой негласный запрет действительно имел место. Но было ли естественно порождаемое им недовольство одинаково сильным и неизменным все эти годы? Юрий в рассматриваемое время мог получить в виде компенсации обещание в будущем московского престола, а Андрей был еще достаточно молод, чтобы повременить со свадьбой. Нельзя исключить и такой возможности, что братья со временем смирились со своей горькой участью, надеясь на счастливые перемены в будущем, тем более что достаточно вольные нравы московской аристократии того времени¹⁷ оставляли много возможностей найти временное утешение (хотя на сей счет и не имеется каких-либо данных, относящихся к конкретным личностям).

Как уже было сказано в начале этой статьи (см. первую часть), у историков на протяжении очень долгого времени не возникало никаких сомнений в том, что наследником Василия III, при условии его бездетности, должен был стать один из его младших братьев. Подобное предположение казалось настолько очевидным, что исследователи особо не заботились его обоснованием и подысканием особых доказательств. Первым усомнился в такой постановке вопроса талантливый ученый, плодовитый исследователь русской истории XV–XVI вв. (и не только), источниковед и археограф А.А. Зимин, человек широчайших научных интересов и неукротимой энергии. Александр Александрович выдвинул две взаимосвязанные гипотезы, или же единую гипотезу, состоящую из двух тезисов, опровергающую общепринятое мнение о том лице или лицах, которые официально рассматривались в качестве наследника (-ов) Василия III до злополучного рождения княжича Ивана Васильевича. По мнению А.А. Зимина, после 1505–1506 гг. и до своей смерти в 1523 г. предполагаемым наследником московского престола был крещеный татарский (казанский) «царевич» Петр Ибрагимович, зять Василия III, а после 1526 г. этот его статус (оставшийся, видимо, некоторое время вакантным) перешел к вновь прибывшему на московскую службу литовскому выходцу князю Федору Михайловичу Мстиславскому, за которого Василий III вскоре по его приезду выдал старшую дочь царевича Петра, легитимировав таким образом передачу ему династических полномочий покойного¹⁸. Сразу оговоримся, что А.А. Зимин

¹⁷ Напр., см.: *Жмакин В.[И.]* Митрополит Даниил и его сочинения. С. 535.

¹⁸ *Зимин А.А.* Иван Грозный и Симеон Бекбулатович в 1575 г. // Из истории Татарии. Казань, 1970. Вып. 4. С. 145–148; *Он же.* Россия на пороге нового времени. С. 99, 316, 375, 376, ср.: С. 298, 405, 423 (на последних страницах автор говорит о Петре как наследнике Василия III уже вполне утвердительно и использует это выданное за факт допущение для

никогда не настаивал на бесспорности своей версии, не делал из нее научного открытия, предпочитая (за редким исключением) высказываться осторожно и предположительно¹⁹. Вероятно, он рассматривал свое предположение как рабочую гипотезу, предполагая в дальнейшем найти ей более солидное обоснование или посвятить этой проблеме отдельное исследование, чему, однако же, не суждено было случиться — возможно, по причине тяжелой болезни и безвременной кончины историка. Его гипотеза, интересная, многообещающая и в то же время смелая и необычная, не подверглась, как это ни странно, обстоятельному разбору. Частью историков она была молчаливо одобрена или принята к сведению²⁰, другие предпочли ее игнорировать, но никто не счел

дальнейших гипотетических построений); *Он же*. Служилые князья в русском государстве конца XV — первой трети XVI в. // *Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв.* М., 1975. С. 52; *Он же*. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986. С. 25–26 (монография закончена в 1978 г. — Там же. С. 243).

¹⁹ В работе А.А. Зимина 1975 года (Служилые князья в русском государстве... С. 52) уже не чувствуется той уверенности, к которой он, кажется, склонялся в завершение своей книги, вышедшей тремя годами ранее. Оба предположения кратко повторены в сопровождении слов «возможно» и «вероятно». В книге, завершенной еще через три года («В канун грозных потрясений»), историк возвращается к обоснованию своей гипотезы. Но в своем главном просопографо-генеалогическом труде, вышедшем посмертно, А.А. Зимин вообще не упоминает о ней (*Он же*. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI вв. М., 1988), причем нетрудно заметить, что соответствующее предложение было намеренно изъято из текста упомянутой статьи, в остальном почти дословно перешедшего в новую монографию. Не следует ли рассматривать это как негласный отказ исследователя от выдвинутой ранее гипотезы?

²⁰ Например: *Сизов Е.С.* К атрибуции княжеского цикла в росписях Архангельского собора. С. 80; *Герберштейн С.* Записки о Московии / Ред. В.А. Янин. М., 1988. С. 340, комм. 617 (комментарий написан М.А. Усмановым); *Бычкова М.Е.* Первые родословные росписи литовских князей в России // *Общество и государство феодальной России: Сб. статей, посвященный 70-летию академика Л. В. Черепнина.* М., 1975. С. 140; *Она же*. Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г. М., 1996. С. 86; *Плигузов А.И., Семенченко Г.В.* Митрополит Даниил и вопрос о наследнике Василия III. С. 140; *Беляков А.В.* Царевич князь Федор Меликдаирович Долголядский // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.* 2012. № 2-1. С. 236; *Он же*. Политика Москвы по заключению браков служилых Чингисидов // *Тюркологический сборник: 2007–2008.* М., 2009. С. 45; *Войтович Л.В.* Нащадки Чингиз-хана: Вступ до генеалогії Чингизидів-Джучидів. Львів, 2004. С. 223; *Кузьмин А.Г.* История России с древнейших времён до 1618 г. М.,

нужным аргументировано ее опровергнуть или подтвердить²¹. Мы по мере сил попытаемся восполнить этот пробел.

Прежде чем перейти к разбору гипотезы А.А. Зимина как таковой, будет целесообразным свести воедино все имеющиеся сведения о жизни и деятельности царевича Петра, тем более что сохранилось их совсем немного, и до сих пор опыт такого по возможности полного биографического обзора, как кажется, не предпринимался. Личность царевича Петра, крайне любопытная сама по себе, даже вне связи с упомянутой гипотезой, конечно, не была обойдена вниманием исследователей. Трудно найти такое сочинение по русской истории первой половины XVI в., в котором не были бы упомянуты хотя бы вкратце наиболее существенные моменты биографии этого человека. К этому бесспорно обязывали как упоминаемая летописями его женитьба на сестре Василия III, так и хорошо просматривающееся в исторических источниках высокое положение его при московском дворе. Тем не менее, фигура Петра Ибрагимовича никогда не становилась предметом самостоятельного исследования, возможно, по бедности сохранившихся сообщений о нем значимыми историческими фактами и индивидуальными чертами²². Лишь не далее как в прошлом году

2004. Кн. 2. С. 187; *Почекаев Р.Ю.* Цари ордынские: Биографии ханов и правителей Золотой Орды. 2-е изд. СПб., 2012. С. 243; *Панова Т.Д.* Кремлевские усыпальницы: История, судьба, тайна. С. 57; *Мяцельскі А.А.* Мсціслаўскае княства і ваяводства ў XII–XVIII стст. Мінск, 2014. С. 176.

²¹ Насколько нам известно, сомнения в том, что царевич Петр мог быть наследником Василия III, высказал и попытался обосновать (правда, лишь самыми общими соображениями) только один автор: *Филошкин А.И.* Василий III. С. 181.

²² Как ни странно, ближе всех к решению этой задачи подошел самый ранний исследователь комплекса вопросов, связанных с пребыванием в России татарских династов, В.В. Вельяминов-Зернов. В его фундаментальном труде, главным объектом которого была история Касимовского юрта, дан довольно пространственный просопографический обзор сведений, относящихся к царевичу Худайкулу-Петру, с обширными цитатами из источников и комментариями к ним (*Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Ч. 1. С. 181–188). Несомненным достоинством этой работы является привлечение всего доступного автору, весьма обширного комплекса источников, в т.ч. на восточных языках, и широкое использование сравнительного метода в изучении текстов, тщательность анализа и строгая аргументация выводов. С другой стороны, ряд фактов биографии Петра оказался вне поля зрения историка, многие летописи, летописные редакции и списки, как и некоторые другие источники, остались ему неизвестны, а источниковедческое изучение летописей находилось в то время в зародыше. Значительный объем сведений о Петре Ибрагимовиче содержится и в

увидела свет небольшая статья-заметка, посвященная персонально царевичу Петру, вернее, выяснению даты его смерти²³. Статья эта, написанная известным специалистом по истории Золотой Орды и постзолотоордынских государств И.В. Зайцевым, дает лишь краткое перечисление основных фактов биографии царевича, сосредотачиваясь главным образом на его погребальном монументе. Эта статья интересна своей попыткой обобщить и осмыслить накопившийся историографический материал по избранному сюжету и объяснить некоторые не выясненные до сих пор моменты; она содержит также новый иллюстративный материал, в т.ч. весьма хорошего качества фотографию, сделанную самим автором, надгробия царевича Петра в Архангельском соборе московского Кремля с надписью на нем²⁴. Вместе с тем, главный вопрос, поставленный в статье, и предложенный ответ на него, несмотря на всю резонантность авторской аргументации, основаны в значительной мере на недоразумении, о котором будет сказано в своем месте.

Сведения о царевиче Петре дошли до нас в составе русских летописей, разрядных и родословных книг, в описях московских архивов XVI–XVII вв., в некоторых помянниках и кормовых книгах; известный нам актовый материал, связанный с его именем, представлен всего двумя документами: его собственной укрепленной грамотой (иначе называемой крестоцеловальной записью) и наказной грамотой, данной им своему служилому человеку, отправленному в Москву²⁵. Кроме того, Петр Ибрагимович трижды упоминается в «Записках о московитских делах» Сигизмунда фон Герберштейна (причем один раз только в немецком изда-

монографии А.А. Зимина, посвященной времени правления Василия III: *Зимин А.А. Россия на пороге нового времени (по указателю)*. Однако здесь они разбросаны по разным местам книги и также не могут быть признаны исчерпывающими, ссылки к ним даны на ограниченный круг источников — возможно, это результат сокращения авторской рукописи при издании. Просопография царевича Петра представлена в: *Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: Просопографическое исследование*. Рязань, 2011 (по указателю).

²³ *Зайцев И.В.* В каком году умер казанский царевич Петр Ибрагимович — Худайкул б. Ибрахим? // *Золотоордынское обозрение*. 2016. № 1. С. 128–134.

²⁴ В подписи к фотографии оно неточно названо склепом (Там же. С. 130). Строго говоря, это даже не надгробие, а вделанная в основание северо-западного столпа, рядом с которым похоронен Петр, мемориальная плита (*Панова Т.Д.* *Кремлевские усыпальницы: История, судьба, тайна*. С. 35). В порядке упрощения мы все же будем называть ее надгробием.

²⁵ Эта грамота была рассмотрена в первой части статьи: *Каптеревские чтения*. Вып. 14. С. 291, прим. 135.

нии «Записок») и однажды в его «Автобиографии»²⁶. Восточные источники, возникшие в мусульманском ареале, в той небольшой мере, в какой мы могли с ними ознакомиться, не содержат фактических сведений об этом потомке Чингис-хана. Нет ссылок на такие источники и в статье И.В. Зайцева, как и в обширном труде В.В. Вельяминова-Зернова, хорошо знакомого с историческими памятниками восточного, в первую очередь тюрко-татарского происхождения²⁷.

Худайкул²⁸-султан²⁹ приходился правнуком хану Улуг-Мухамеду, одному из претендентов на золотоордынский престол в 20-е — первую половину 40-х гг. XV в. и основателю династии казанских ханов³⁰. Его отец, казанский хан Ибрахим (рус. Ибраим, Обреим, Обрегим и т.п.), был младшим сыном хана Махмуда (Махмудека, рус. «Момотьяк/Мамотьяк/Моматяк») и взшел на казанский престол после смерти старшего брата Халиля в 1467 г. или чуть раньше³¹. Ибрахим, умерший ок. 1479 г. (точнее между 1478 и 1482 гг.³²) оставил пятерых сыновей от двух жен. Первая, но младшая по рангу жена³³ стала матерью «Алехама/Алегама/Алыгама» (это искаженное русскими книжниками имя толкуется исследователями как Али-хан или Ильхам), Мелик-Тагира (рус. Мелех-Даир, Милегдаир и т.п.) и Худайкула. Вторая, старшая жена Нур-Султан (вдова Халиля, ставшая после смерти Ибрахима женой крымского хана Менгли-Гирея) родила Ибрахиму Мухам-

²⁶ Три из этих четырех упоминаний несут уникальный характер и не имеют аналогий в других источниках.

²⁷ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о Касимовских царях и царицах. Ч. 1.

²⁸ Такое написание этого имени (Худайкул или Худай-Кул) принято среди исследователей, знакомых с тюркскими языками. В русских источниках чаще всего встречается, не считая явных описок, форма Кудайкул, Кудайгул, варианты с начальной «Х» неизвестны.

²⁹ Титул султана в татарских государствах носили сыновья ханов, не достигшие ханского престола, и их потомки. В русских источниках этот титул обычно предается словом «царевич», т.е. сын или прямой потомок хана («царя»).

³⁰ Подробнее см.: *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 232 и сл.

³¹ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о Касимовских царях и царицах. Ч. 1. С. 53; *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. С. 36.

³² *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о Касимовских царях и царицах. Ч. 1. С. 157–158; *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. С. 44.

³³ Герберштейн утверждает, что ее звали «Батмасса-Султан» (т.е. Фатима (Батима, Батма)): *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 170.

мед-Эмина (рус. Мегмедемин, Махмет-Амин и т.п.) и Абд-ул-Летифа (также встречается написание Абдул-Летиф, Абдул-Латыф, Абд ал-Летиф, рус. Абделетиф и т.п.)³⁴.

Относительное старшинство детей Ибрахима, как и время заключения им обоих браков, остается во многом неясным. Русские родословные книги перечисляют сыновей Ибрахима в указанном выше порядке³⁵, однако такой порядок, казавшийся естественным автору-христианину, помещавшему сыновей от второго брака вслед за сыновьями от первого, совсем не обязательно отражал реальное старшинство, поскольку дети от разных жен могли рождаться попеременно, а первая жена Ибрахима была еще жива в 1487 г. (см. ниже), то есть обе супруги пережили его. Известно лишь то, что Алехам был старшим братом Мухаммед-Эмина³⁶ и, следовательно, родился первым из пятерых братьев³⁷. Время ухода из жизни хана Ибрахима служит *terminus ante quem* для рождения его детей. Известно также, что отец Ибрахима Махмудек родился, вероятнее всего, не позднее 1424 г., причем в этом году он был уже достаточно большим, чтобы его можно было отпустить в дальние поездки в

³⁴ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 1. С. 52–53, 167, 178–179, 185–186; Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 36, 44; История татар с древнейших времен: В семи томах. Казань, 2014. Т. 4: Татарские государства XV–XVIII вв. С. 298. Странно, что В.В. Вельяминов-Зернов, приводя доводы в пользу рождения Мелик-Тагира и Худайкула от первой (младшей) жены Ибрахима, матери Алехамы (Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 1. С. 185–186), забывает сослаться на такой веский аргумент, как цитируемое им же сообщение Казанской истории, согласно которому мать Алехамы заочили на Белоозере «со двема царевичи ея» (выделено мной — Р.И.) (Там же. С. 165; та же редакция памятника издана: ПСРА. СПб., 1903. Т. 19. Стб. 227–228 (вар. 1), хотя в другой редакции КИ, не использованной историком, выделенное слово отсутствует: Там же. Стб. 22–23; но и в этом случае размещение младших детей вместе с матерью представляется естественным).

³⁵ Например: Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... изданная по самouverнейшим спискам [«Бархатная книга»] / Изд. Н.И.Новиков. М., 1787 (далее — БК). Ч. 1. С. 27 (имя Мелик-Тагира разделено в тексте надвое); другие варианты этого родословия, идентичные по сути, см.: Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 1. С. 44–47.

³⁶ ПСРА. Т. 19. Стб. 22, 227; Т. 23. С. 162.

³⁷ Летописями и родословцами засвидетельствовано также старшинство Мухаммед-Эмина перед Абд-ул-Летифом, но это не имеет отношения к нашей теме и не помогает в расчетах времени рождения братьев.

сопровождении послов.³⁸ Таким образом, можно предполагать, что его появление на свет имело место ок. 1414 г. или даже ранее (умер он в первой половине или середине 1460-х гг.).³⁹ В таком случае рождение его детей должно было приходиться примерно на 1430-е–1440-е гг., а внуков — на 1450-е–1470-е гг. Уточнить эти расчеты можно по указаниям на приблизительный возраст Мухаммед-Эмина и его младшего брата. В 1486 г. Мухаммед-Эмин «еще бѣ малъ»⁴⁰, а в письме из Крыма 1497 г. и при изложении событий, которые могут быть условно датированы ок. 1495 г. (т.е. временем незадолго до его изгнания из Казани, поданного в посольской книге для «внешнего употребления»⁴¹ как отзыв его московскими властями), упоминается о его молодости⁴². Под молодостью здесь разумеется, судя по контексту, прежде всего неспособность принимать обдуманные и мудрые решения, легкомыслие, податливость чужим советам, что, вероятнее всего, соответствует возрасту от 10 до 20 лет, с возможным отклонением на несколько лет в ту или другую сторону. Поскольку Мухаммед-

³⁸ *Беспалов Р.А.* Хан Улу-Мухаммед и государства Восточной Европы: от Белева до Казани (1437–1445 гг.) // *Золотоордынская цивилизация: Сб. статей.* Казань, 2012. Вып. 5. С. 65.

³⁹ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 1. С. 43; *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. С. 35–36; *История татар с древнейших времен.* Т. 4. С. 292–293.

⁴⁰ ПСРА. М., 2001. Т. 6. Вып. 2. Стб. 322; СПб., 1910. Т. 20, 1-я пол. С. 352; М.-Л., 1963. Т. 28. С. 318. То, что под не названным здесь по имени царевичем, сыном казанского царя и Темиревым внуком (имя отца ханши Нур-Султан) мог разумеется только Мухаммед-Эмин, было выяснено еще В.В. Вельяминовым-Зерновым: *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 1. С. 166–167, ср.: С. 180. В Соф. 2-й и Увар. летописях это сообщение помещено под 6993 г., так как годы 6993–6995 в них слиты в одну статью (Вельяминов-Зернов, не имевший доступа к исправным рукописям Львовской летописи, цитируемой им по списку, содержащему еще бóльшую по сравнению с Соф. 2-й и Увар. ошибку в хронологии, не смог досконально скорректировать дефектную датировку последних, однако верно понял природу этой летописной ошибки: Там же).

⁴¹ Об особенностях употребления кавычек в этой статье см. ее первую часть, прим. 22.

⁴² Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией / Ред. Г.Ф.Карпов (далее — ПДСКНТ). СПб., 1884. Т.1 (Сб. Русского исторического общества. Т. 41). С. 237; ПДСПЛ. Т. 1. С. 531. Ср. упоминание в очень похожем контексте его братьев Алехамы и Абд-ул-Летифа, отсылающее ко времени ок. 1486 г. и ок. 1501 г., соответственно (Там же). О молодости последних ничего не говорится.

Эмин, как сказано выше, не мог родиться позднее 1478–1482 гг., мы можем ориентировочно приурочить дату его рождения ко времени ок. 1475–1479 гг., скорее всего, ближе к концу указанного интервала.⁴³ В таком случае в 1486 г. он действительно был еще очень мал⁴⁴. Для сравнения можно привести сватовство Мухаммед-Эмина, датированное 1489–1490 гг.⁴⁵ К этому времени хан, должно быть, уже достиг отроческого возраста или вплотную приблизился к нему, что, принимая во внимание обычность ранних браков в мусульманской элите того времени (и не в ней одной), ставило на повестку дня вопрос подыскания ему выгодной невесты. Что касается Абд-ул-Летифа, то его мать, отправляя сына в конце 1492 г. в Москву, писала о нем Ивану III, что он еще «молод и мал», и просила учить его уму-разуму.⁴⁶ С другой стороны, он уже был вполне самостоятелен, чтобы без сопровождения матери отправиться в Россию и получить там собственное владение. Из этого можно заключить, что в то время ему было около 13–15 лет, т.е. он был почти что погодком Мухаммед-Эмина. В 1502 г. вновь идет речь о его «молодости и глупости»⁴⁷, что в общем не расходится с предыдущим выводом. Алахам, о молодости которого ок. 1486 г. посольская книга тоже ничего не говорит, должен был, по-видимому, появиться на свет не позднее ок. 1466 г. Этому вполне соответствует тот факт, что в 1487 г. он уже имел жену и, вероятно, даже не одну, а также, возможно, детей⁴⁸. Таким

⁴³ М.Г. Худяков, не указывая своего источника, утверждает, что в 1479 г. Мухаммед-Эмину было 10 лет, в 1484 г. (возможно, автор имел в виду 1485 г.) — 16 лет, а в 1502 г. — «30 лет с небольшим» (*Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 46–47, 60*). Надо полагать, что автор вычислял возраст царевича, отсчитывая его лета от года, следующего за годом смерти хана Халиля (по Худякову, 1467 г. — см. выше), вдова которого стала во втором замужестве матерью Мухаммед-Эмина и его младшего брата (правда, тогда в 1479 г. царевичу было бы 11 лет, зато в 1484 г. — действительно 16-ть). Так или иначе, эти расчеты имеют приблизительный характер и указывают лишь на максимально возможный возраст Мухаммед-Эмина.

⁴⁴ С другой стороны, указание летописной статьи 1486 г. не очень вяжется с попыткой М.Г. Худякова определять возраст царевича по максимуму — едва ли 18-летний юноша мог быть охарактеризован такими словами.

⁴⁵ *Моисеев М.В. Ногайская Орда в системе международных отношений рубежа XV–XVI вв. // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 2. С. 371.*

⁴⁶ ПДСКНТ. Т. 1. С. 177.

⁴⁷ Там же. С. 447, 448, 450.

⁴⁸ Подборку летописных цитат на этот счет см.: *Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 1. С. 161–166.*

образом, имеющиеся сведения о старшинстве Алехамы над Мухаммед-Эмином конкретизируются данными посольской книги, косвенно указывающей на значительную разницу в возрасте между старшими сыновьями от первого и второго брака Ибрахима.

Дата рождения Алехамы интересует нас прежде всего как отправная точка для определения времени рождения Худайкула. Алехам, как мы видели по приблизительному счету лет между поколениями, мог появиться на свет и намного раньше указанной выше даты — ок. 1450 г. и даже еще ранее. Худайкул, показанный в родословных книгах младшим из трех сыновей от первой жены Ибрахима, должен был в таком случае родиться в 1450-е–1460-е гг., возможно даже в первой половине — середине 1470-х гг.⁴⁹ Этот хронологический отрезок немногим отличается от самого общего диапазона дат, с которого начались наши расчеты, однако сузить его в применении к Худайкулу нет достаточных оснований. Единственным поводом, хотя и не слишком надежным, уточнить время его рождения, может служить известие летописей о том, что после пленения Алехамы и всей его семьи в 1487 г. его младшие родные (полные) братья были отправлены в заточение не вместе с ним, а совсем в другой город, вместе со своей матерью, кроме того, они, вероятно, еще не были женаты (см. далее). Если принять этот *argumentum ex silentio* и счесть особое решение о ссылке младших братьев свидетельством их весьма юного возраста, то рождение Худайкула можно будет датировать временем ок. 1477 г. или немного ранее. Но тогда встает вопрос о причине столь большого интервала между рождением старшего и младших сыновей одной и той же матери и одного отца. Вот и все, что можно выжать из скупых показаний наших источников по данному вопросу.

В 1487 г. московские воеводы, посланные Иваном III, овладели Казанью и низложили строптивого хана Алехамы, посадив на его место московского ставленника, уже некоторое время проживавшего на территории России, Мухаммед-Эмина, его младшего сводного (единокровного) брата. Алехам и вся его ближайшая

О его детях большинство летописей и родословные книги не упоминают, что заставляет историков предполагать его бездетность или, по крайней мере, отсутствие у него сыновей. Однако же Холмогорская летопись, сохранившая ряд уникальных сведений, связанных с Казанью, вместе с другими членами семьи Алехамы, плененными в 1487 г., называет (дважды) и его детей (ПСРА. Л., 1977. Т. 33. С. 125).

⁴⁹ Правда, 1450-е гг. выглядят несколько проблематично ввиду даты женитьбы Худайкула-Петра (1506 г.), рождения им двух дочерей и даты его смерти (1523 г.).

родня (жена или жены, мать, сестра и два младших брата⁵⁰, а по некоторым сведениям и его дети⁵¹) попали в плен и были высла- ны на северную окраину Московии. Алехам окончил свои дни в вологодской ссылке (между 1493 и 1502 гг.⁵²), его матери вместе с ее младшими сыновьями был определен для поселения Карголом на Белоозере⁵³. Мелик-Тагир, по сообщению Казанской историей (Казанского летописца), также умер в ссылке (вероятно, еще до принятия Худайкулом крещения), успев стать отцом по мень- шей мере двоих сыновей⁵⁴. Что же касается Худайкула, то о его годах, проведенных в заточении (возможно, оно не было слиш- ком строгим или со временем перестало быть таковым), ровным счетом ничего не известно. Неясно, получил ли он разрешение жениться (если уже не был женат до своего пленения) и если да — имел ли детей от этого брака, заключенного еще в лоне ислама. Родословные книги не дают ему иных детей, кроме прижитых в христианском браке⁵⁵, но это еще нельзя считать однозначным

⁵⁰ В.В. Вельяминов-Зернов, опираясь на надежные сопоставления, убедительно доказал, что этими братьями были Мелик-Тагир и Худай- кул, тогда как первоисточники (за исключением позднего и не слишком достоверного Казанского летописца) не называют их имена, а С. фон Герберштейн, писавший свои Записки несколько десятилетий спустя, на- зывает их неверно, путая братьев (*Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 1. С. 177–185). Выводы Вельямино- ва-Зернова были полностью поддержаны последующими исследователя- ми. Впрочем, то, что одним из плененных братьев Алехамы был именно Худайкул, не вызывало сомнений и ранее, ибо этот факт находит прямое подтверждение в официальном документе, составленном от имени са- мого царевича Петра и подтвержденном им: Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностран- ных дел: В 5 ч. (далее — СГГД) М., 1813. Ч. 1. С. 401.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 33. С. 125.

⁵² ПДСКНТ. Т. 1. С. 199; ПСРЛ. Т. 19. Стб. 22, 227.

⁵³ ПДСКНТ. Т. 1. С. 62, 83; *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 1. С. 160 и сл. (здесь же приведены обширные выдержки из источников); *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. С. 47–48; *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий: (Очерки социально-политической истории). М. 1982. С. 70; *История татар с древнейших времен.* Т. 4. С. 299.

⁵⁴ БК. Ч. 1. С. 27; *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о Касимов- ских царях и царевичах. Ч. 1. С. 44, 47, 165, 184–185, 189. Оба сына, в отличие от отца, сохранившего верность религии своих предков, были крещены с именами Василия и Федора. Об обстоятельствах их крещения источники умалчивают. Вероятно, осиротевшие племянники Худайкула последовали примеру дяди, хотя возможны иные варианты.

⁵⁵ БК. Ч. 1. С. 27; *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о Касимов- ских царях и царевичах. Ч. 1. С. 44, 46, 47.

свидетельством их отсутствия, ведь составители этих книг могли намеренно замалчивать их существование, чтобы не уронить престиж их высокородных сводных сестер. Можно представить и иной расклад. Большинство родословных книг вообще умалчивают о потомстве царевича Петра, и это вполне естественно — в данном виде источников, за единичными исключениями, указывалось лишь мужское потомство. Только некоторые родословцы, подобно Бархатной книге, дополняют роспись казанских царей упоминанием дочерей Худайкула-Петра, несомненно, благодаря их высокому происхождению и чрезвычайно влиятельным супругам. Поэтому можно предположить, что и в вероятном первом браке Худайкул родил только дочерей, не имевших никаких причин попасть на страницы родословцев.

В 1505 г. в судьбе Худайкула произошел крутой поворот, готовившийся, вероятно, исподволь. К этому времени, если доверять неподтвержденным сведениям Казанского летописца и понимать их в буквальной последовательности, уже отошли в иной мир старшие родные братья Худайкула Алехам и Мелик-Тагир и их мать⁵⁶. Теперь Худайкул оставался старшим членом казанского клана, группировавшегося ранее вокруг его матери, первой жены хана Ибрахима, и старшего брата и подвергнутого коллективной опале в 1487 г. Тем временем представители соперничающего материнского клана, неформально возглавляемого энергичной ханшей Нур-Султан, теперь уже крымской «царицей», переживали головокружительные взлеты и падения, разрываясь между требованиями Москвы, сделавшей на них ставку в утверждении своего влияния в Казани, и притязаниями своих воинственных ногайских свойственников, опиравшихся на поддержку влиятельной анти-московской группировки казанской знати. В 1505 г. старший сын Нур-Султан Мухаммед-Эмин, вынужденный перед тем в течение нескольких лет довольствоваться каширско-серпуховским кормлением, полученным от Ивана III, снова царствовал в Казани, где уже созрел план решительного разрыва с Москвой. Его младший брат Абд-ул-Летиф, успев к тому времени побывать в Крыму, на кормлении в Звенигороде и на казанском престоле, теперь отбывал ссылку на Белоозере, совсем недалеко от бывших соперников его матери и брата, где он оказался в 1502 г. по воле московского государя, который счел необходимым произвести ханскую «рокировку» в Казани в тщетных поисках такого кандидата на престол, который наконец стал бы послушной марионеткой в его руках⁵⁷.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 19. Стб. 22, 227.

⁵⁷ О событиях в Казани в 1505 г. и предшествующие годы см.: Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 56–61; Зимин А.А.

Итак, в декабре⁵⁸ 1505 г. царевич Худайкул, уже переведенный к тому времени из Карголома в Ростов под надзор местного архиепископа (в чью епархию входил и Белозерский край), «присылал бити челом» митрополиту Симону, прося его ходатайствовать перед великим князем Василием III («чтобы пожаловал, печаловался государю») о разрешении (формально повелении) принять православное крещение («чтобы государь пожаловал, велел (вар.: велел бы его) крестити в православную веру»)⁵⁹. «[П]о митрополитичю печалованию» великий князь удостоил Худайкула личной аудиенции («велел [...] царевичю у себя на очех быти»), которая состоялась, очевидно, уже в Москве. Теперь казанский царевич уже сам бил государю челом «с слезами о крещении», после чего было отдано соответствующее повеление митрополиту. Во исполнение одного 21 декабря, в воскресенье, «пресвященный» Симон, в свою очередь, велел спасскому архимандриту Афанасию крестить Худайкула на Москве-реке, «у тайника» (Тайницкой башни Кремля), «и нарече имя ему во святем крещении Петр». Крещение татарского царевича было обставлено со всей официальной торжественностью, возможно, оно имело даже вид публичной церемонии. На крещении присутствовал сам великий князь «с меншею братиею и з бояры»⁶⁰. Об участии митрополита и прочего высшего духовенства ничего не говорится, но присутствие хотя бы некоторых церковных иерархов представляется вероятным. Возможно, удельные князья и высшие чины двора специально задержались в Москве после похорон Ивана III, умершего в конце октября 1505 г., чтобы принять участие в торжественном событии, которое, конечно же, планировалось заранее. С другой сто-

Россия на пороге нового времени. С. 68; История татар с древнейших времен. Т. 4. С. 300–301.

⁵⁸ «Тоя же осени». В летописях того времени, в частности, в Никонской и Воскресенской, декабрь обычно считается третьим осенним месяцем. Соответственно, и прочие времена года смещаются на месяц вперед против нынешнего времячисления. Принимая во внимание точную дату крещения Худайкула (21 декабря), как кажется, нет оснований выносить формальное инициирование предварявшей его процедуры за пределы декабря месяца, тем более что предыдущая запись почти во всех летописях датирована 7 декабря.

⁵⁹ Об этом же в очень сходных выражениях говорится в крестоцеловальной записи царевича Петра (СГД. Ч. 1. С. 401).

⁶⁰ ПСРА. Т. 6. С. 51; М., 2001. Т. 6. Вып. 2. Стб. 374, 375; Т. 8. С. 245; Т. 13, 1-я пол. С. 1, 2; Т. 20, 1-я пол. С. 376 (21 сент.); СПб., 1913. Т. 21, 2-я пол. С. 583; СПб, 1911. Т. 22. Ч. 1. С. 516 (= ПХ 1512. С. 276); Т. 26. С. 297; Т. 28. С. 338, 339; А., 1977. Т. 33. С. 134; Т. 34. С. 9; Иоасафовская летопись. С. 148; Русский времяник, сиречь летописец, содержащий российскую историю от 6370/862 до 7189/1681 лета (далее — РВ). М., 1790. Ч. 2. С. 203, 204.

роны, упоминание «меньшей братии» (ср. аналогичный оборот чуть выше в тех же летописях: там названа просто «братея», — хотя очевидно, что у Василия III могли быть в это время только младшие братья) может свидетельствовать о присутствии лишь самых младших братьев (Семена и Андрея), еще не имевших уделов (подробнее об этом см. первую часть настоящей статьи).

Церемония крещения была лишь первым актом запланированных официальных торжеств. 28 декабря (следовательно, опять в воскресенье) новокрещеный царевич дал в Успенском соборе Кремля, у раки св. митр. Петра, своего нового небесного патрона, крестоцеловальную запись на верность православию, Василию III «и его детям»⁶¹. Поручителями за него, скрепившими грамоту, выступили митрополит Симон и епископ Суздальский Нифонт. Месяц спустя, 25 января 1506 г. (день снова был выбран воскресный) в том же Успенском соборе⁶² состоялось венчание «новопросвещенного» царевича Петра и великой княжны Евдокии, родной сестры Василия III; венчал новобрачных все тот же архимандрит Афанасий⁶³. Летописный отчет об этом событии подчер-

⁶¹ СГГД. Ч. 1. С. 401-403; упоминание: Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. С. 23 («грамота подтверженная Петра царевича»), 49 («Запись на царевича на Петра Обреимовича казанского... писана в 7014-м году»), 61 («Список с подкрепленной записи на царевича Петра Обреимовича»). В этой записи он называет себя «Петр царевич Ибреимов сын царев» (СГГД. Ч. 1. С. 401). Запись содержит, с некоторыми вариациями, обычный набор обязательств, содержащихся в такого рода «укрепленных грамотах» (ср.: Там же. № 146, 149, 152–157, 159, 162 и др.). Клаузулы, упоминавшие детей великого князя, которых еще не существовало, подчеркивали непреложную связь службы Петра с московским престолом как таковым. А.А. Зимин неверно заключает, что Петр получил свободу только по принесении этой присяги (Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 75). Текст записи говорит об этом событии в прошедшем времени (СГГД. Ч. 1. С. 401).

⁶² Только в сентябре предыдущего года там же венчался сам Василий III (ПСРА. СПб., 1853. Т. 6. С. 50; Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 147, 197; и др. летописи под тем же годом).

⁶³ ПСРА. Т. 6. С. 51; Т. 6. Вып. 2. Стб. 375; Т. 8. С. 245–246; Т. 13, 1-я пол. С. 2; Т. 20, 1-я пол. С. 376; Т. 21, 2-я пол. С. 583; Т. 22. Ч.1. С. 516 (= ПХ 1512. С. 276); Т. 24. С. 215; Т. 26. С. 297; Т. 28. С. 339; Т. 33. С. 134; Т. 34. С. 9; Иоасафовская летопись. С. 148; РВ. Ч. 2. С. 204, 205. Описание вышеизложенных событий выглядит стандартно в абсолютном большинстве летописей, различаясь в них очень незначительно и без какой-либо видимой тенденции (о единственном исключении будет сказано ниже). Первоисточником этих известий во всех летописях, отражающих реконструируемые своды 1518, 1520, 1526 (1528) и 1533 гг., должен был стать соответствующий текст гипотетического свода 1508 г., идентифицируемого по Софийской

кивает, что брак был устроен самим великим князем, явился его жалованием, особой милостью жениху. К сожалению, свадебные разряды, которые могли бы прояснить стоявшие за этим событием клановые интересы, не сохранились⁶⁴. Не указаны в кратком

1-й летописи (список Царского) и Воскресенской летописи (ПСРА. Т. 6; Т. 8; обзор летописных сводов см.: *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. С. 37-41; имеются и другие точки зрения на состав и соотношение этих сводов), подвергшийся в последующих переработках лишь минимальной стилистической правке. Однако Воскресенская летопись и Русский временник (Костромская летопись), представляющие по-разному обработанный в них свод 1533 г. (*Насонов А.Н.* Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы) // Проблемы источниковедения. М., 1955. Вып. 4. С. 275; *Он же.* История русского летописания XI — начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С. 429, 435, 451–453; *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. С. 43), содержат одно фактическое дополнение: «[...] а сидел в Ростове у архиепископа» (ПСРА. Т. 8. С. 245; РВ. Ч. 2. С. 203). То же дополнение должно читаться в Румянцевском летописце, являющемся более поздней переработкой того же свода 1533 г. (*Насонов А.Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века. С. 455; *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. С. 44), с которой мы не смогли ознакомиться, а также в родственном ей Архивском летописце (*Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 200). Это добавление к тексту свода 1508 г. происходит, по всей видимости, из Ростовского свода Тихоновской редакции, послужившего одним из источников Воскр. и других летописей, содержащих в себе свод 1533 г. (*Левина С.А.* К изучению Воскресенской летописи. По поводу статьи В.В. Лаптева «Воскресенская летопись» // ТОДРА. М.–Л., 1957. Т. 13. С. 696, 701). Воскресенской вторит во многом опирающаяся на нее Степенная книга: «Тогда же бысть в Ростове в заточении [...]» (ПСРА. Т. 21, 2-я пол. С. 583). Степенная книга сокращает оба известия, но добавляет несколько биографических деталей и особо подчеркивает благочестие царевича (Там же). Типографская летопись (Там же. Т. 24), представляющая особый свод 1528 г., сокращает известие о венчании до минимума и совсем опускает сообщение о крещении. В Постниковском летописце (Там же. Т. 34) и в имеющем с ним общие чтения Продолжении хронографа 1512 г. (иначе называемом Русским хронографом или Хронографической летописью), а также в Холмогорской летописи (Там же. Т. 33) оба известия сильно сокращены. Особая, очень краткая редакция обоих сообщений приведена в Казанской истории (Там же. Т. 19. Стб. 22, 227). Герберштейн упоминает крещение и брак царевича Петра предельно сжато (*Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 171). Вообще Герберштейн, чьи свидетельства по близости к описываемым событиям не сильно отстоят от перечисленных летописных сводов, не сообщает никаких дополнительных подробностей относительно фактов биографии Петра, попавших в летописи.

⁶⁴ Имеется лишь роспись приданого невесты (*Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов в России в XVI в.: Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 108).

летописном известии и присутствовавшие на венчании. По одной из частных (расширенных) редакций разрядных книг (ранее известных под общим именем Разрядной книги пространной редакции) известно лишь, что для официального объявления Петру «жалованья» великого князя, «что князь великий ево жалует, дает за нево сестру свою, великую княжну Евдокею», была отряжена (к сожалению, не сказано, куда именно) очень представительная делегация в составе боярина Якова Захарьича (Кошкина)⁶⁵, великокняжеских казначей, печатника и нескольких дьяков⁶⁶

Ценным дополнением к основному корпусу однотипных летописных известий служит Новгородская 4-я летопись, вернее, три варианта ее продолжения, почти идентичные в данном случае⁶⁷. Она содержит: 1) неудачно сформулированное или испорченное, к тому же неточное, именование родителей царевича Петра, однако же интересное единственным прямым указанием на то, что матерью его была «меншица» (младшая жена) казанского хана; 2) замену даты крещения отсылкой ко дню памяти св. митр. Петра, московского чудотворца, к которому оно было приурочено, что делает прозрачным смысл имянаречения⁶⁸; 3) употребление

⁶⁵ Он был одним из старейших членов боярской думы: *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии... С. 183.

⁶⁶ РК 1605. Т. 1, ч. 1. С. 92.

⁶⁷ ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 460, 468, 536; М., 2004. Т. 43. С. 213. В продолжении по Академическому списку Евдокия («Овдотья») по ошибке названа «Феодосьей» и перед именем Петра опущено слово «князь» (Там же. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 468).

⁶⁸ Возможно, на выбор крестильного имени повлияло также почитание царевича Петра Ордынского — первого потомка Чингис-хана, принявшего православие и жившего после крещения как раз в Ростове (см.: *Сизов Е.С.* К атрибуции княжеского цикла в росписях Архангельского собора. С. 78, 80; *Зайцев И.В.* В каком году умер казанский царевич Петр Ибрагимович — Худайкул б. Ибрахим? С. 129). Указанию летописей явно противоречит образ патронального святого, сопровождающий изображение царевича Петра на стене Архангельского собора, — на нем изображен апостол Петр (*Сизов Е.С.* К атрибуции княжеского цикла в росписях Архангельского собора. С. 94). Однако это может быть следствием искажения первоначального образа при поновлении (ср.: Там же. С. 72–74, 78, 84). Утверждение, что Петр Ордынский был помещен на фресках Архангельского собора как небесный покровитель царевича Петра, является, скорее всего, ошибочным (см.: *Зайцев И.В.* В каком году умер казанский царевич Петр Ибрагимович — Худайкул б. Ибрахим? С. 129). В статьях Сизова ничего подобного не говорится, а на обычном для всех княжеских портретов на стенах собора месте святого патрона (в круге вверху перед лицом соответствующего князя, см.: *Сизов Е.С.* К атрибуции княжеского цикла в росписях Архангельского собора. С. 85) изображен, как уже сказано, другой

вместо титула «царевич» титула «князь» (взаимозаменяемость этих титулов применительно к крещеным татарским царевичам подтверждается и другими источниками); 4) безусловно, самое важное дополнение — перечисление владений, пожалованных Петру в вотчину по случаю его женитьбы на великой княжне: «[...] и два города дасть емоу в вотчину, Клинь городъ да Городень городъ, и 5⁶⁹ сель около Москвы на приѣздъ». Эти два верхневолжских города располагались на важном пути, соединявшем Москву с Новгородом⁷⁰. Город Клин с уездом, числившийся (как и Городень⁷¹) в то время «во Тверской земле»⁷², был отписан в заве-

персонаж. Сцены из жития Петра Ордынского представлены в нижнем, “княжеском” ряду и выписаны так же в рост (тогда как святые покровители князей изображались над их головами и погрудно). Кроме того, фигура Петра Казанского повернута к фрескам, изображающим Петра Ордынского, спиной (см.: Там же. С. 78). Канонизация Петра Ордынского состоялась, видимо, только в 1553 г., служба ему была написана в 1549 г. (*Голубинский Е.Е.* История канонизации святых в русской церкви // ЧОИДР. 1903. Кн. 1. С. 111), однако повесть о нем, близкая к агиографическому жанру, уже бесспорно существовала в конце XV в. (*Кривошеев Ю.В.* Ордынский царевич Петр и его род: некоторые бытовые и религиозные черты пребывания монголо-татар на Руси // Университетский историк: Альманах. СПб., 2002. Вып. 1. С. 118). Примечательно, что, согласно Повести о Петре, царевиче Ордынском, последний взял жену по выбору ростовского князя и стал его побратимом (хотя и не через брак): «[В]ладыце братати их в церкви с князем. И прозвася Петр братом князю» (цит. по: Там же. С. 122). Еще интереснее, что некое ростовское сказание называет изначальное имя ордынского царевича — Даир Кайдагул (Там же. Прим. 6). Из Повести также можно понять, что покровителем Петра Ордынского был апостол Петр.

⁶⁹ В редакции по списку Дубровского — «55 сел» (ПСРА. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 536; Т. 43. С. 213). Видимо, переписчик принял союз «и» за «Н» («50»).

⁷⁰ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. М., 1961. Ч. 3. С. 361; *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 238; *Ульфельдт Я.* Путешествие в Россию. М., 2002. С. 316; *Рикман Э.А.* Города Тверского княжества и сухопутные дороги // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 229.

⁷¹ Именно так этот топоним (древний Вертязин, ныне Городня) читается в летописях, писцовых книгах и др. источниках изучаемой эпохи. Форму «Городен», принятую публикаторами духовной Ивана III в ДиДГ и повторяемую иногда в литературе, следует признать неверной. Издатели, видимо, не зная точной формы этого названия, не подставили в текст регулярно опускаемый в подлиннике «ь» после выносной. В духовной Ивана IV (ДиДГ. С. 437) и в указателе к этому изданию правильно — «Городень».

⁷² Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России: В 2 т. / Собр. и изд. А. Федотов-Чеховский. Киев, 1860. Т. 1. С. 58 (1518 г.), 59 (1507 г.); ДиДГ. С. 357.

щании Ивана III великому князю Василию⁷³. В июле 1506 г. очень вероятно, а в феврале 1507 г., декабре 1517 г. и в ноябре 1518 г. определенно Клин принадлежал великому князю⁷⁴. Как согласовать между собой эти факты, засвидетельствованные в актовом материале, с показаниями Новг. 4-й, остается пока что неясным⁷⁵. А.А. Зимин, как следует из его слов, был склонен думать, что Петр владел Клинским уездом совсем недолго — от нескольких месяцев до года с небольшим⁷⁶. Но насколько точны никем более не подтверждаемые данные новгородского летописца? В одном акте XVII в., сохранившемся в копиях, упоминается волость Клин в Ржевском уезде⁷⁷. Видимо, в этом документе так названа волость Кличин (Кличен) того же уезда⁷⁸. В любом случае, «Клин *город*» и Клинская *волость* не могут быть идентичны.

⁷³ ДиДГ. С. 357.

⁷⁴ *Кашинов С.М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958. С. 311–312, 324, 325; *Кашинов С.М., Назаров В.Д., Флоря Б.Н.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в.: Часть третья. С. 202–203, 206–207.

⁷⁵ Осмелимся выдвинуть предположение, еще нуждающееся в проверке, что Клин и Городень были пожалованы позднее племянникам Петра, принявшим крещение приблизительно в одно время с ним (не позднее 1513 г. — см. ниже). По крайней мере, на их владение вотчинами где-то вблизи западных рубежей указывает упоминание троих из них в разрядах несущими службу в 1515 и 1516 гг. в Великих Луках, а в 1521 г. и 1528 г. в Можайске и Торопце (РК 1598. С. 55, 67 — в указателе это упоминание царевича Ивана не отражено, 72; РК 1605. Т. 1, ч. 1. С. 154). Возможно, Петр, отозванный со своей вотчины вскоре после ее пожалования, продолжал пользоваться доходами с нее, живя в Москве.

⁷⁶ *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. С. 75.

⁷⁷ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. Ч. 3. С. 98. В неопределенное время между 1511 г. и началом 1521 г. царевич Петр был каким-то образом связан со Ржевой (Ржевом) — см. первую часть этой статьи: Каптеревские чтения. Вып. 14. С. 291, прим. 135. Интересно, что приехавший в Россию при Иване Грозном черкасский мурза Атахамашуков, нареченный в крещении князем Петром (!) Ахамашуковичем Черкасским, также был испомещен «во Ржеве»; там же был позднее (?) испомещен другой крещеный черкасский мурза, кн. Иван Егупов (И.Е. Черкасский) (ЧОИДР. 1899. Кн. 4. Отд. 5. С. 7; ср.: РК 1598 — по указателю).

⁷⁸ ДиДГ; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. М., 1956. Ч. 2; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1958. Т. 2; Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты московского Симонова монастыря (1506–1613 г.). Л., 1983 (во всех — по указателю); Географическо-статистический словарь Российской Империи / Сост. П. [П.] Семенов [Тян-Шанский]. СПб., 1865. Т. 2. С. 635.

Самостоятельное значение имеет рассказ о крещении и венчании Худайкула-Петра, содержащийся в продолжении Ермолинской летописи⁷⁹, которое, по мнению А.А. Зимина, прошло обработку в Троице-Сергиевом монастыре и послужило одним из источников Иоасафовой летописи⁸⁰. Этот отрывок, как показывает сравнение текстов, имеет ряд чтений, совпадающих со сводами 1518 г. и 1520 г. (Иоасафовой летописью) и отличных от свода 1508 г., другие места, наоборот, совпадают со сводом 1508 г., но отличаются от двух других сводов; кроме того, имеются и уникальные чтения⁸¹. Важнейшие особенности интересующего нас известия состоят в следующем. Во-первых, рассказ о крещении лишен предисловия, излагающего предшествующие события (челобитья и пр.). Во-вторых, в нем совершенно определенно утверждается, что крестил и венчал царевича Худайкула-Петра сам митрополит Симон, а имя архимандрита Афанасия не упоминается вовсе. В то же время, совпадение многих других подробностей, характерных языковых оборотов, общей композиции летописной статьи со “стандартной” версией того же рассказа, уже разобранной нами, не оставляет сомнения в том, что между данной редакцией и упомянутыми летописными сводами имеется тесная генетическая связь (что и было отчасти отмечено А.А. Зиминим). Принципиальное фактическое расхождение между первой и вторыми в оценке роли митрополита Симона может быть объяснено, на наш взгляд, тем, что протограф летописного отрывка был составлен еще в бытность Симона на митрополичьей кафедре (т.е. до апреля 1511 г.⁸²). Были ли реальные события искажены в угоду последнему, а при последующем редактировании восстановлены по каким-то достоверным источникам, или, напротив, участие Симона в этих событиях подверглось впоследствии сознательному умалению, в настоящее время решить затруднительно⁸³. Для интересующей нас темы важнее то, что Прод. Ерм. представляет единственную возможность проследить за эволюцией текста на уровне двух различных редакций. Нам представляется очевидным, что редакция Прод. Ерм. предшествовала “стандартной”

⁷⁹ Иоасафовская летопись. С. 198.

⁸⁰ Там же. С. 15.

⁸¹ Замечание А.А. Зимина о близости этого летописного отрывка именно к Соф. 2-й (Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 38) представляется слишком односторонним.

⁸² ПСРА. Т. 13, 1-я пол. С. 14; и др. летописи под тем же годом.

⁸³ Хотя крестоцеловальная запись 1505 г. также говорит о том, что «Симон митрополит меня пожаловал крестил» (СГДА. Ч. 1. С. 401), в официальном документе такое выражение могло быть намеренным упрощением, “спрямлением” событий ради большей торжественности.

редакции. Об этом свидетельствует не только намного более широкое бытование последней, но и ряд особенностей текста: 1) именование в Прод. Ерм. Ю.К. Сабурова «болярином», устраненное во всех остальных сводах, что можно соотносить с падением влияния Сабуровых из-за бездетности Соломонии и постепенно-го вызревания планов развода с ней; 2) наличие в Прод. Ерм. «неприглаженной», как бы черновой редакции сообщения об отправке посла в Крым⁸⁴, имеющего в других летописях более изящный вид; 3) отсутствие в Прод. Ерм. «предисловия» к известию о крещении, имеющего признаки документального происхождения, — его бесследная элиминация маловероятна, тем более что Прод. Ерм. не демонстрирует тенденции сжатия текста, скорее наоборот; 4) более сильное акцентирование в «стандартной» редакции милости, «жалования» Василия III по отношению к царевичу, что повлекло за собой переформатирование всей записи о венчании, из которой по ходу дела был устранен довольно длинный повтор; 5) сохранение в той же записи Прод. Ерм. слова «великую» пред словом «княжну», утраченного в своде 1508 г. и восстановленного в двух других сводах (это относится и к замене слова «февраля» несколькими строками ниже на «января» в своде 1508 г.)⁸⁵. Эти наблюдения сделаны лишь на пространстве интересующего нас в данное время фрагмента и ближайших к нему пассажей, сопоставление всего текста Прод. Ерм. с другими сводами может дать дополнительные основания для предложенного вывода.

Существенная редакторская правка, которой подвергся текст Прод. Ерм., не затронула, тем не менее, личности самого Худайкула-Петра. Все обстоятельства крещения и венчания, изложенные в Прод. Ерм. (за вычетом личного участия митрополита), были повторены в «стандартной» версии. Набор относящихся к царевичу сведений был даже несколько расширен, при этом тональность сообщения осталась неизменной — почтительно-нейтральной, в общем нейтральной по отношению к нему была и добавленная информация. Принижение роли митрополита и некоторое усиление мотива покровительства со стороны Василия III вряд ли были мотивированы желанием дискредитировать или унижить царевича.

В миниатюре к рассказу о крещении в Лицевом летописном своде (крещение Худайкула происходило в декабре, но и пейзаж,

⁸⁴ Иоасафовская летопись. С. 197.

⁸⁵ Предполагать возможность происхождения Прод. Ерм. в результате редактирования сводов 1518 и 1520 гг. не позволяют, помимо прочего, общие чтения первого с текстом свода 1508 г., отсутствующие в двух названных сводах, например: число «лет живота» Ивана III и фраза «посла своего» (Там же). С другой стороны, наличие прямо противоположных примеров не допускает и филиацию Прод. Ерм. из свода 1508 г.

и персонажи миниатюры, в духе условной живописной традиции, выглядят вполне по-летнему, на реке даже не видно льда) царевич изображен молодым безбородым человеком с густыми каштановыми волосами, стоящим по колено в воде, в набедренной повязке, с короной (!) на голове (подобная же корона изображена в Лицевом своде на казанских царях и царицах, а также на других татарских царях и царевичах и даже на великих и удельных княгинях⁸⁶; такая же корона на Худайкуле на миниатюрах, иллюстрирующих его челобитье о крещении, аудиенцию у Василия III, подготовку к крещению и выезд с великим князем в Новгород⁸⁷), почему-то ближе к противоположному от Кремля берегу реки, хотя все остальные участники церемонии стоят на берегу у стен Кремля. На переднем плане (у реки) можно различить трех или четырех духовных особ (двое из них выписаны лицами) в одинаковых черных клобуках с ниспадающими на плечи мантиями. За ними видна группа лиц, изображающая Василия III, его братьев и бояр. Хорошо различимы два боярина (?) с седыми бородами и без головных уборов, один из которых выдвинут далеко вперед, в плотную примыкая к группе духовенства. Остальные светские фигуры показаны в шапках, из них полуразлично только одно лицо, видимо, это один из великокняжеских братьев. Левее изображена процессия, возглавляемая несущим крест человеком, очень похожим чертами лица и шевелюрой на царевича Петра, каким он показан на той же миниатюре. За ним следуют два седобородых старца с непокрытыми головами (бояре?) и прочие участники. В этой композиции можно видеть крестный ход, направляющийся к месту совершения таинства (люди показаны идущими к тому самому месту, где стоит вышеописанная группа, что в условном иконографическом времени может означать более раннее событие). Миниатюра, сопровождающая рассказ о венчании царевича Петра, показывает новобрачных, стоящих перед раскрытым входом в Успенский собор, — царевич с обнаженной головой, его невеста, напротив, в короне, похожей на ту, которая была изображена на самом Петре во время крещения⁸⁸. Брачный венец над царевичем держит тот же человек в черном клобуке с книгой, что совершал крещение (архимандрит Афанасий); венец над великой княжной держит фигура в характерном для знатных женщин головном уборе. Слева, как бы прижимаясь к обрезу миниатюры,

⁸⁶ Напр., см.: Лицевой летописный свод XVI в. М., [2014]. Кн. 17. С. 484–488, 493–494; Кн. 18. С. 16, 22, 26, 34–35, 50, 54–56, 58–64, 73, 88–89, 94 и др.

⁸⁷ Там же. Кн. 18. С. 65–67, 167.

⁸⁸ Ср.: Там же. С. 58 (свадьба Василия III и Соломонии Сабуровой).

стоит, лицом к авансцене, очень обобщенно выписанная группа людей без головных уборов (вероятно, бояр), возглавляемая седовласым и седобородым старцем, указующим перстом левой руки на брачующихся (на миниатюрах этой части Лицевого свода выбор руки, показанной в жесте, зависит, как правило, от положения изображенной фигуры — значимый жест всегда совершается дальней от зрителя рукой, которая может быть как правой, так и левой). Вверху слева изображены три человека, стоящие у раскрытых дверей, ведущих в какие-то палаты, возле накрытого стола, символизирующего, по-видимому, свадебный пир. На заднем плане справа явно сам царевич, слева, как бы беседуя с ним, очевидно, его невеста. У нее длинные неубранные волосы, но одежда точно такая же, как у жениха. Здесь на голове у обоих одинаковые короны. Чуть ближе к зрителю слева — человек с окладистой бородой в шапке, очень похожий на тот персонаж предыдущей миниатюры, в котором несомненно угадывается Василий III. Он указывает, также перстом левой руки, не то на новобрачных, не то на Успенский собор⁸⁹. Как видим, миниатюры Лицевого свода содержат немало деталей, не находящихся прямого соответствия в летописях. Их интерпретация должна стать темой самостоятельного исследования. Нам представляется, что они отражают скорее представление об этих событиях книжников второй половины XVI в., почерпнутое из летописного текста и дополненное воображением редактора и миниатюриста, нежели реальные факты.

Рассказ о крещении Худайкула-Петра, а также о предшествовавших ему и последовавших за ним событиях является наиболее подробно описанным эпизодом биографии царевича в сохранившихся нарративных источниках. Вероятно, в основе этого рассказа (особенно его расширенной версии), отразившегося и в тексте крестоцеловальной записи, лежит какой-то официальный документ вроде разряда или даже особый «список» либо «тетрадь» (такие виды документов были широко представлены в великокняжеском архиве⁹⁰), содержащие подборку относящихся к делу материалов. Какие же выводы позволяет сделать первое по хронологии появление царевича Худайкула-Петра на страницах дошедших до нас исторических источников?

Прежде всего, не вызывает сомнения, что вся цепочка описанных событий находилась на тщательном контроле верховной вла-

⁸⁹ Там же. С. 68, 71. Также см.: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Худай-Кул> (проверено 8 мая 2017 г.). Сопроводительный текст Лицевого свода совпадает со «стандартной» летописной версией событий.

⁹⁰ Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. С. 156, 158.

сти, аранжировалась и в значительной мере инспирировалась ею. И челобитье полузабытого узника митрополиту (!), и ритуальное «печалование» того перед самим великим князем, не говоря уже о последующих событиях, несут черты заранее срежиссированной и хорошо разыгранной официальной постановки. Трудно сказать, исходила ли первоначальная инициатива, ставшая завязкой всего сюжета, от самого царевича или от московских властей. В любом случае, дирижерская палочка находилась в руках у последних. Нам неизвестны ни истинные мотивы предпринятого Худайкулом неординарного шага (вероятно, желание получить свободу и высокое положение играло здесь не последнюю роль), ни время и обстоятельства принятия им соответствующего решения. К сожалению, нет сведений о том, когда именно пленник был переведен из Карголома в Ростов (возможны и промежуточные пункты пребывания) и как долго он оставался там. Между январем 1503 и январем 1506 г. ростовская кафедра была вакантной⁹¹. Следовательно, если слова «у архиепископа» следует понимать буквально, царевич оказался в Ростове не позднее конца 1502 — начала 1503 г. Возможно, пребывание его под надзором ростовского архиепископа (и/или замещающих его лиц) было своеобразным периодом катехизации и вообще введения царевича в его будущую роль, когда принципиальное решение о его дальнейшей судьбе было уже принято, и в Москве шли приготовления к предстоящим торжествам. Принятие православного крещения потомком золотоордынских ханов было, безусловно, крупной идеологической победой Москвы. Такого рода события были в то время еще большей редкостью⁹². Однако что заставило великого князя породниться с царевичем? Очевидно, что никаких политико-династических выгод практи-

⁹¹ ПСРЛ. Т. 6. С. 48, 51; и др.; *Строев П.[М.]* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 332.

⁹² См.: *Беляков А.В.* Крещение служилых Чингисидов в России XVI–XVII вв. // *Российская история*. 2011. № 1. С. 107–115. Однако автор неправ, утверждая, что в начале правления Василия III были крещены все «наличные» казанские царевичи (*Он же*. Чингизиды в России XV–XVII веков. Лишние люди? // *Средневековые тюрко-татарские государства*. 2012. № 4. С. 182). Абд-ул-Латиф, единокровный брат Худайкула, около этого времени освобожденный из белозерской ссылки и вскоре пожалованный Юрьевом, а затем Каширой (СГДА. М., 1819. Ч.2. № 26–27; ПДСКНТ. СПб., 1895. Т. 2 (Сб. Русского исторического общества. Т. 95). С. 44–49; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 15; Т. 20. 1-я пол. С. 385; Т. 28. С. 347), вплоть до своей смерти в 1517 г. оставался мусульманином (об этом говорит хотя бы его назначение в 1516 г. наследником Казанского ханства — Там же. Т. 6. Вып. 2. Стб. 406, 407; Т. 8. С. 260; Т. 13. Ч. 1. С. 25; Т. 20. 1-я пол. С. 391; Т. 28. С. 351; Т. 30. С. 143).

ческого плана от такого брака не предвиделось. Сильно поредевшее за время пребывания в плену семейство Алехамы было для Казани отрезанным ломтем⁹³. К тому же принятие христианства автоматически лишало члена династии любых прав на престол в мусульманском государстве⁹⁴. Положение пленников, сосланных в далекий северный край, отрывало Худайкула и его ближайшую родню не только от родной им Казани и всего татаро-мусульманского мира, но и от политического центра Русского государства, где были сосредоточены вотчины и семейно-клановые интересы абсолютного большинства княжеско-боярских родов. Мы не знаем, насколько строгой была изоляция ханской семьи, но сама удаленность места их ссылки должна была служить значительным препятствием для возникновения сколько-нибудь устойчивых контактов с представителями русской аристократии и наиболее

⁹³ А.А. Зимин, напротив, считал, что крещение и женитьба царевича Петра были связаны с намерением посадить его на казанский престол (Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 75, 298 — в последнем случае автор говорит даже о возможности мирного воссоединения (?) России и Казани через его посредство как наследника обоих государств (!) — Москвы и Казани (последнее не высказано здесь прямо, но явно подразумевается); ср.: *Он же*. В канун грозных потрясений. С. 25; *Скрытников Р.Г.* Василий III. Иван Грозный. М., 2008. С. 69; *Филиوشкин А.И.* Василий III. С. 108). Вряд ли это было так. Московское правительство охотно прибегало к услугам марионеточных татарских царевичей, но все они были мусульманами и не меняли своей веры, взойдя на ханский престол. Даже на превращенной в татарский юрт Мещере (Касимовском “ханстве”), которую Москва имела гораздо больше оснований считать “своей”, она вплоть до второй половины XVII в. держала исключительно правителей-мусульман (см.: История татар с древнейших времен. Т. 4. С. 359–377; *Рахимзянов Б.Р.* Касимовское ханство (1445–1552 гг.): Очерки истории. Казань, 2009. С. 168 и сл.). Поэтому планам использования Худайкула в качестве претендента на Казань намного лучше соответствовало бы оставить его мусульманином. Если же у Василия III действительно возникло подобное намерение, — почему он ни разу не попытался осуществить его? Историк пишет, что в случае успешного завершения намеченного на весну 1506 г. похода на Казань Петр мог стать вассальным казанским правителем («своего рода казанским удельным князем»: Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 75). Однако в разрядах этого похода, в котором участвовали и зависимые татарские владетели, имя Петра не значится (РК 1598. С. 36, 37). Не принимал он участия и в последующих казанских походах. Для сравнения, Шигалей (Шах-Али), претендент на казанский престол при Василии III и Иване IV, долгое время живший эмигрантом в России, регулярно участвовал в походах на Казань (см.: Там же (по указ.)).

⁹⁴ *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. С. 175, 188; История татар с древнейших времен. Т. 4. С. 366.

влиятельной бюрократии (если, конечно, такие контакты не были санкционированы великокняжеской властью). Оставаясь мусульманами, ссыльные ханские родственники не могли надеяться и на заключение браков с уроженцами Московского государства, которые могли бы ввести их в круг русской знати⁹⁵. Таким образом, партикулярные интересы тех или иных московских фамилий в возвышении казанского царевича также исключены. Главная причина выбора Василием III Худайкула-Петра в качестве супруга своей единственной остававшейся на выданье сестры⁹⁶ видится скорее в соображениях личного и государственного престижа. В системе постзолотоордынских отношений, к которой Москва в своей практической политике испытывала сильное тяготение, брак с представителем «золотого рода» Чингис-хана пользовался огромным почетом. Московской княжеской династии ранее лишь однажды удавалось породниться с ханами — при Юрии Даниловиче, сосватавшем Кончаку-Агафью еще в первой четверти XIV в. Иметь ханского сына своим зятем наверняка льстило самолюбию Василия III и служило укреплению его международного и внутривнутриполитического престижа, а также подкреплению притязания Москвы на сюзеренитет над Казанским ханством. Не случайно Василий Иванович выбрал время для свадьбы царевича и своей сестры в самом начале своего самостоятельного правления — это событие, очевидно, имело такой же программный характер, как и заключение около того же времени самим великим князем брачного союза с Сабуровыми⁹⁷ и выданье его «своякини» за князя В.С. Стародубского⁹⁸.

Дальнейшая служебная карьера царевича Петра известна по летописям и (в особенности) разрядным книгам, а также по ме-

⁹⁵ Выше уже говорилось о том, что время крещения племянников Худайкула неизвестно, но вряд ли оно предшествовало его собственному крещению.

⁹⁶ О сестрах Василия III см.: *Каишанов С.М.* Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI вв. М., 1996. С. 194–196. Евдокия родилась в 1483 г. (ПСРЛ. М.-Л., 1949. Т. 25. С. 330).

⁹⁷ Любопытно, что по преданию (косвенно подтверждаемому фамилией) они сами были отдаленными потомками крещеного ордынского мурзы (мурза — сын бека (эмира), или князя): *Долгоруков П.[В.]* Российская родословная книга: В 4 т. СПб., 1857. Ч. 4. С. 76, 197; *Бочков В. Н.* «Легенды» о выезде дворянских родов // Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971; *Бычкова М.Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 102.

⁹⁸ *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. С. 75; *Он же.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI вв. С. 42.

муарным сочинениям С. фон Герберштейна. Все последующие известия о нем очень лапидарны и практически идентичны во всех летописях (кроме изолированного сообщения о его кончине и известий Иоасафовского летописного отрывка)⁹⁹.

В сентябре 1509 г. «Петр царевичъ» сопровождал Василия III в его поездке (фактически военном походе) в Новгород, завершившейся в начале следующего года покорением Пскова¹⁰⁰. Среди участников похода Петр указан на третьем месте, сразу после великого князя и его младшего брата Андрея¹⁰¹. Пространный

⁹⁹ Прод. Новг. 4-й и Казанский летописец больше не упоминают о Петре, Прод. Хрон. 1512 называет его еще только один раз по случаю кончины его жены, Степенная книга и Холмогорская летопись сообщают еще лишь о его поездке вместе с великим князем в Новгород в 1509 г., а первая из них — также о его смерти (без даты). Указатель к Вологодско-Пермской летописи ошибочно относит к Петру упоминание безымянного царевича на с. 298 (ПСРА. Т. 26. С. 385). Это, безусловно, касимовский царевич Янай («Дзенай»), об участии которого в походе на Казань говорят разрядные книги (РК 1598. С. 37).

¹⁰⁰ ПСРА. Т. 6. Вып. 2. Стб. 390; Т. 8. С. 251; Т. 13, 1-я пол. С. 12; Т. 20, 1-я пол. С. 383; Т. 21, 2-я пол. С. 586 («зять его, новопросвященный царевичъ Петр Абреимовичъ»); Т. 24. С. 216 («зять его царевичъ Петр»); Т. 26. С. 301; Т. 28. С. 345; Т. 33. С. 135; Т. 34. С. 10; Иоасафовская летопись. С. 157; Лицевой летописный свод XVI в. Кн. 18. С. 167; РК 1605. Т. 1, ч. 1. С. 114. Интересно, что Прод. Новг. 4-й, сообщившее ранее уникальные сведения о земельном пожаловании Петру, вообще не упоминает его имени при описании этого похода (впрочем, как и других имен, кроме самого Василия III). Прод. Соф. 1-й по Бальзеровскому списку и Псковские летописи называют по имени вместе с Василием III только его брата Андрея (ПСРА. Т. 6. С. 25; Псковские летописи / Изд. А.Н. Насонов. М.—Л., 1941. Вып. 1. С. 92; М., 1955. Вып. 2. С. 253, 293).

¹⁰¹ Соф. 2-я (ПСРА. Т. 6. Вып. 2. Стб. 390) как будто бы вводит Петра в число братьев Василия III («[...] а с ним братиа его князь Андрѣй Иванович Меншой да Петръ царевичъ»). Постниковский летописец дает редакцию этой фразы, совершенно идентичную Соф. 2-й (Там же. Т. 34. С. 10), но в этом месте он может быть зависим от общего с ней протографа или от нее самой. Несколько отличный, еще более показательный вариант содержится в Холмогорской летописи: «[...] а с ним братья его меньшие, князь Андрей Иванович да Петр царевичъ» (Там же. Т. 33. С. 135). То же самое читаем в одном из списков Воскр. (Там же. Т. 8. С. 251, прим. г). Во всех остальных летописях, включая наиболее близкие к Соф. 2-й за эти годы (Льв. и Увар.), значится «брат». Возможно, указанные чтения отражают более раннюю редакцию текста. Тогда мы имеем еще одно свидетельство смыслового редактирования сообщения (может быть, даже двух его этапов), относящегося к царевичу Петру. Было ли оно попыткой редактора уточнить не совсем верное (или не понятое им правильно) известие своего предшественника, или же имело политический оттенок,

рассказ о взятии Пскова, присутствующий, в частности, в Румянц. и (с сокращениями) в РВ, добавляет к этому известие о прибытии царевича Петра вместе с Василием III и князем Андреем из Новгорода во Псков в январе 1510 г.¹⁰² Еще одну немаловажную деталь находим в отчете ганзейских послов, посетивших Новгород в феврале 1510 г. и принятых там Василием III. Оказывается, в свите великого князя находился не только его брат Андрей (в отчете он назван Александром), но и его сестра — оба они присутствовали на торжественном приеме¹⁰³. Сестра не названа по имени, но ею в данном случае могла быть только Евдокия, супруга царевича Петра (сам он не упомянут послами, но нет оснований думать, что он покинул государеву свиту еще до возвращения Василия III в Москву, оставив при нем свою жену).

В декабре 1512 г. Василий III в первый раз выступил с войском из Москвы к Смоленску, его сопровождали брат Дмитрий Углицкий и «зять его Петр царевич», которые выехали «с ним с Москвы вместе»¹⁰⁴. Под Смоленском Петр находился при государе в большом полку. В Летописном отрывке по Иоасафовскому сборнику¹⁰⁵ (имеющем в этой части своей основой, вероятно, какую-то разрядную запись) его имя стоит сразу после родных братьев великого князя и перед именем двоюродного брата кн. Ф.Б. Волоцкого¹⁰⁶. В феврале 1513 г., «во вторник на Феодорове недели», умерла жена царевича Петра «благочестива великаа княжна Евдокия», похороненная в церкви кремлевского Возне-

не беремся сказать. А.А. Зимин высказал мнение, что царевич Петр «не вошел в среду братьев государя», но никак не обосновал это (*Зимин А.А. В канун грозных потрясений. С. 24*).

¹⁰² «Взятие Пскова» // *Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. А., 1955. С. 185* («зять его Петр царевич»), 191; РВ. Ч. 2. С. 226 («зять их Петр царевич»), 232.

¹⁰³ ЧОИДР. 1898. Кн. 1. Отд. 4. С. 7.

¹⁰⁴ Иоасафовская летопись. С. 191–192 (Летописный отрывок); РК 1598. С. 48–49; РК 1605. Т. 1, ч. 1. С. 127.

¹⁰⁵ Этот неизвестного происхождения отрывок за 1512–1514 гг. переплетен в один сборник с Иоасафовской летописью, но к ней самой отношения, по-видимому, не имеет: Иоасафовская летопись. С. 13 (предисловие А.А. Зимина).

¹⁰⁶ Этим как будто подтверждается отмеченное выше свидетельство Соф. 2-й и др. летописей. Однако в соответствующей записи частной редакции разрядных книг царевич Петр, напротив, назван после Ф.Б. Волоцкого (РК 1605. Т. 1, ч. 1. С. 126). Полагаем, что известия частной разрядной книги, к тому же дошедшей до нас в довольно поздней редакции, заслуживают меньшего доверия.

сенского монастыря¹⁰⁷, традиционно служившего усыпальницей для женских членов великокняжеской семьи. Это случилось, по всей видимости, в отсутствие ее мужа и брата (Василий III с войском вернулся в Москву лишь в марте¹⁰⁸). В том же году, в сентябре, отправившись в свой второй смоленский поход, Василий III оставил «зятя своего Петра царевича» «на Москве» во главе управления государством на время своего отсутствия (он вернулся в Москву 21 ноября)¹⁰⁹. Возможно, Петр исполнял эту функцию

¹⁰⁷ ПСРА. Т. 6. Вып. 2. Стб. 396; Т. 8. С. 253; Т. 13, 1-я пол. С. 16; Т. 20, 1-я пол. С. 386; Т. 22. Ч. 1. С. 517 (= ПХ 1512. С. 277, 278) (опущена вторая часть известия); Т. 24. С. 217 («февраля 9», «княжна», известие сокращено); Т. 26. С. 303; Т. 28. С. 347; Т. 34. С. 11 («Овдотья», известие сокращено); Иоасафовская летопись. С. 161; РВ. Ч. 2. С. 241; Лицевой летописный свод XVI в. Кн. 18. С. 214–215. Она же, очевидно, названа «княгини Евдокеи» (Кормовая книга XVI в., Библиотеки Троицкой Сергиевой Лавры № 821 // ЧОИДР. 1879. Кн. 2. Отд. 1. С. 37). Это последнее упоминание царевича Петра в летописях, считающихся эталонами сводов 1518 г. (Соф. 2-я, Льв. и Увар.), 1520 г. (Иоас., Ник.) и 1533 г. (Воскр., РВ), а также в Волог.-Перм., Постн., Прод. Хрон. 1512 и, по всей видимости, Румянц. и Архив. Позднее его имя встречается лишь в Летописном отрывке из Иоасафовского сборника и в двух сообщениях о его смерти, а также в описании погребений Архангельского собора (только по трем летописям) и в некоторых сводах как патроним при упоминании его дочерей и внуки (суммарное изложение этих упоминаний см.: *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 1. С. 187, 188). Таким образом, абсолютное большинство летописей (все они восходят к официальным великокняжеским или церковным сводам) содержит всего по четыре почти идентичных упоминания о Петре, из которых три прямых (о крещении, венчании и участии в новгородском походе) и одно косвенное (о преставлении его супруги).

¹⁰⁸ Иоасафовская летопись. С. 193 (Летописный отрывок). А.В. Беляков почему-то уверен, что Петр присутствовал на похоронах своей супруги, и включает этот фантомный факт в соответствующий перечень, естественно, без ссылки на источник (*Беляков А.В.* Придворная служба Чингисидов в России XVI–XVII веков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2011. № 2. С. 18).

¹⁰⁹ РК 1598. С. 53; РК 1605. Т. 1, ч. 1. С. 135; Иоасафовская летопись. С. 194 (Летописный отрывок). Согласно Иоасафовскому летописному отрывку, в сентябре 1513 г. Василий III «на Москве велел быти» своему брату Семену (сведенному с удела бывшему князю Калужскому — см. первую часть настоящей статьи) и зятю Петру (Там же), т.е. установил своего рода дуумвират. Разрядная книга вообще не упоминает кн. Семена в эти годы, но зато добавляет, что при царевиче Петре («у него») находились в это время (очевидно, в качестве помощников) «царевичи новокрещены» — Василий, Федор, Иван, Лев и другой Василий (РК 1598.

и во время «стояния» великого князя в Боровске в июне–сентябре того же года¹¹⁰. В начале июня 1514 г. Василий III, в третий раз выступив с войском на Смоленск, вновь оставил в Москве одного из братьев — на сей раз Андрея — и царевича Петра, «да с ним бояр и детей боярских»¹¹¹. Была ли эта решительная смена амплуа, продиктованная великим князем (более царевич, насколько известно, не участвовал в походах), следствием проявленной Петром неспособности к военному командованию, или на то имелись какие-то другие причины — остается только гадать.

Далее в известиях о царевиче Петре наступает длительный перерыв, который лишь отчасти заполняется известием Герберштейна, имевшего возможность лично видеть царевича во время своего первого пребывания в Москве в апреле–ноябре 1517 г. Посол отмечает, что на торжественном приеме и на пиру у великого князя присутствовали двое его братьев (Юрий и Семен), сидевшие по правую и левую руку от государя, а по правую руку от старшего брата сидел царевич Петр (которого Герберштейн в этом месте «Записок» по ошибке именует царем (Czar) и королем (Khünig)¹¹², хотя при описании тех же событий в «Автобиогра-

С. 53; РК 1605. Т. 1, ч. 1. С. 135). Это почти наверняка племянники Петра, сыновья его брата Мелик-Тагира (так же: *Беляков А.В.* Царевич князь Федор Меликдарович Долголядский. С. 234; *Он же.* Крещение служилых Чингисидов в России XVI–XVII вв. С. 108). Первые двое известны и из родословных книг (БК. Ч. 1. С. 27; и др.; ср.: *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 171, 216). Те же имена, но в несколько ином порядке (Петр, Василий, Иван, Лев, Василий, Федор Мегдарович, с прибавлением слова «царевич» перед каждым именем, но с отчеством только при последнем) перечислены в «Росписи, хто был на Москве царей и царевичев», составленной в XVII в. (ЧОИДР. 1899. Кн. 4. Отд. 5. С. 5).

¹¹⁰ РК 1598. С. 51.

¹¹¹ Там же. С. 54; РК 1605. Т. 1, ч. 1. С. 139; Иоасафовская летопись. С. 195 (Летописный отрывок). РК 1598 сначала опять называет одного Петра, и лишь чуть ниже — Андрея, но не приписывает последнему административных функций, скорее указывая на его воеводский статус (по аналогии с братом Дмитрием) (РК 1598. С. 55). Напротив, все остальные летописи (кроме урезавших эту статью), включая собственно Иоасафовскую, пишут, что Василий III оставил на Москве своего брата Андрея, при этом ни словом не обмолвившись о Петре (ПСРА. Т. 6. Вып. 2. Стб. 399; Т. 8. С. 255; Т. 13, 1-я пол. С. 18; Т. 20, 1-я пол. С. 386; Т. 26. С. 304; Т. 28. С. 348; Иоасафовская летопись. С. 162). Интересно, что РК 1605 полностью подтверждает сведения Летописного отрывка. Такое расхождение между официальными и частными разрядными книгами заслуживало бы отдельного внимания.

¹¹² Возможно, автор спутал здесь титул царевича Петра с титулом царя Шигалея, также связанного с Казанью, которого он видел при го-

фии» верно называет его сыном татарского царя)¹¹³. В следующий раз имя Петра появляется лишь в июле 1521 г., когда он вновь возглавил боярскую комиссию, оставленную для управления Москвой после форсирования крымскими татарами Оки и поспешного отбытия Василия III на Волок. Петр вместе с находившимися под его началом «вельможами» (в немецком издании «Записок» и чуть ниже в латинском издании они названы «советниками», т.е. боярами) руководил подготовкой Москвы к осаде, происходившей в большой спешке. Именно он, вероятно, санкционировал выдачу от имени великого князя крымским Гиреям грамоты, возобновлявшей даннические обязательства со стороны Москвы¹¹⁴. Об этих и других подробностях драматических событий конца июля — начала августа 1521 г. мы узнаем из рассказа Герберштейна, значительно расширяющего показание русских источников¹¹⁵. И летописи, и разрядные книги умалчивают об этом назначении Петра и его действиях¹¹⁶. В мае 1522 г. Василий III, отправившись

сударе во время своего второго посольства в Москву (*Герберштейн С. Записки о Московии. С. 220*)

¹¹³ Там же. С. 213, 216. В этом издании «Khünig» передано словом «царь», что не совсем точно. Мы совмещаем здесь информацию двух известий, относящихся, строго говоря, к двум последовательным событиям: аудиенции и банкету, — всегда происходившим, по сведениям посольских книг, в один и тот же день, при первом представлении послов государю. Однако из описания Герберштейна можно сделать вывод, что порядок рассадки был в обоих случаях одинаков. Так или иначе, присутствие Петра засвидетельствовано в обоих известиях. Место по правую руку от старшего брата, если считать его менее почетным, чем место по левую руку от самого великого князя, должно соответствовать вышеприведенным летописным сообщениям и данным разрядных книг (РК 1598. С. 48), которые ставят имя Петра сразу после имен родных братьев Василия III.

¹¹⁴ См.: *Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 244* — со ссылкой на Г.В. Вернадского (англоязычное издание), который, в свою очередь, ссылается на Герберштейна (*Вернадский Г.В. История России: Россия в средние века. Тверь—М., 1997. С. 166*), который, со своей стороны, этого прямо не утверждает (*Герберштейн С. Записки о Московии. С. 174*).

¹¹⁵ *Герберштейн С. Записки о Московии. С. 173–174*. У А.А. Зимина в рассказе об этих событиях Петр ошибочно назван шурином Василия III (*Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 242*).

¹¹⁶ Едва ли это умолчание было преднамеренным. Коль скоро разрядные книги отмечают предыдущие и последующее назначения царевича Петра во главе временного управления Москвой и даже иногда акцентируют его единоличное положение в ущерб великокняжеским братьям, у их составителей как будто не было причин замалчивать подобное назначение в 1521 г. (разве что для спасения престижа царевича, но такой

с войском на Коломну для береженья от крымцев, в очередной раз оставляет «на Москве» «зятя своего», «а с ним бояр и приказных людей»¹¹⁷. Поскольку оба еще живых брата последовали за великим князем на Оку¹¹⁸, на этот раз можно вполне положиться на сведения разрядных книг. Это последнее сообщение о царственном зяте Василия III в разрядах.

Умер царевич Петр в марте 1523 г.¹¹⁹ Краткое сообщение Типографской летописи и сходного с ней Троицкого летописца — наш единственный источник информации на этот счет. Крупнейшие летописи, освещающие события первой половины 1520-х гг. (Волог.-Перм., Соф. 2-я, Воскр., зависимая от нее в эти годы Ник., также очень близкая к ней Льв. и др.) — все они, вероятно, восходят за это время к гипотетическому своду 1526 (или 1528) г.¹²⁰ — удивительным образом проигнорировали смерть государева зятя¹²¹. Странно, что и Герберштейн, в чей второй приезд в Москву в 1526 г. царевича уже не было в живых, не упомянул в своих «Записках» о его кончине, хотя хорошо помнил его по своему первому посещению Москвы и не преминул сообщить о смерти его племянников. Единственного некролога, впрочем, весьма

мотив имел скорее значение в летописании или дипломатической переписке, а не в таком сугубо административном документе, ориентированном на внутреннее использование, как разрядные книги). Значительные пропуски в разрядных книгах, иногда распространяющиеся на целые годы, — не редкость для первых десятилетий XVI в. и объясняются скорее всего сохранностью и доступностью официальных документов на время их создания. Умолчание летописей о Петре, как мы могли убедиться, носит более общий характер и не может быть объяснено с точки зрения его роли в событиях 1521 г.

¹¹⁷ РК 1598. С. 69; РК 1605. Т. 1, ч. 1. С. 184.

¹¹⁸ РК 1598. С. 68; *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. С. 249.

¹¹⁹ «[...] преставися царевич Петр, зять великого князя, Абреимов сын» (ПСРА. Т. 24. С. 221). То же в Троицком летописце (*Насонов А.Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века. С. 388). Оба памятника отражают на данном отрезке Троицкий летописный свод (Там же. С. 381, 382).

¹²⁰ *Левина С.А.* К изучению Воскресенской летописи. С. 700, 701; ср.: *Клосс Б.М.* Список Царского Софийской I летописи и его отношение к Воскресенской летописи // *Летописи и хроники: Сб. статей: 1984 г. М., 1984. С. 25–37.*

¹²¹ Это умолчание связано, скорее всего, с общим упадком русского летописания в 1520-е гг., очень заметным на примере упомянутого свода, в котором летописные статьи после 1520 г. становятся предельно сжатыми, выхватывая лишь единичные события, по-видимому, подобранные уже задним числом.

лаконичного, Петр удостоился в Степенной книге, составленной в 1560-е гг.¹²²: «[...] и благочестно поживе, с миром преставися на Москве»; в одном из списков почерком XVII в. прибавлено: «И положен бысть в соборной церкви архангела Михаила, что на площади, за левым крылосом...», — конец фразы срезан¹²³. Гробница царевича Петра упоминается (под 7016 г.) в расширенной редакции летописного перечня захоронений Архангельского собора¹²⁴ — места упокоения московских государей и их ближайших родственников. Такая честь лишний раз подтверждает особое положение царевича при московском дворе, где он рассматривался наравне с членами великокняжеской семьи. О принадлежности к ней говорит и нимб у его головы¹²⁵, с которым изображены все князья дома Калиты на фресках собора¹²⁶. Надпись на надгробной плите, которая, видимо, намного моложе самого захоронения¹²⁷, гласит (в прочтении И.В. Зайцева): «В лето 7016 м(а)ртъ въ ПІ [13 день] // преставис(я) ц(а)ревичъ Петръ с(ы)нъ Ибре// имовъ с(ы)на Маматякова ц(а)ря // Казанскаго»¹²⁸. И.В. Зайцев приходит к выводу, что при создании надписи год смерти Петра был механически перенесен из летописного текста, помещенного

¹²² Словарь книжников и книжности Древней Руси. М., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 75.

¹²³ ПСРА. Т. 21, 2-я пол. С. 583.

¹²⁴ ПСРА. Т. 8. С. 248; Т. 13, 1-я пол. С. 8 (только в Шумиловском списке — особой редакции Ник.); Т. 23. С. 198; РВ. Ч. 2. С. 213; Лицевой летописный свод XVI в. Кн. 18. С. 121.

¹²⁵ См. фото: *Сизов Е.С.* К атрибуции княжеского цикла в росписях Архангельского собора. С. 78.

¹²⁶ Там же. С. 68. Правда, все ныне существующие фрески позднего происхождения.

¹²⁷ *Зайцев И.В.* В каком году умер казанский царевич Петр Ибрагимович — Худайкул б. Ибрахим? С. 132.

¹²⁸ Там же. С. 131 (фото: С. 130). Здесь же приведены два других варианта чтения эпитафии, различающиеся лишь обозначением года. В более ранних описаниях номер года читается как «7017» (Там же. С. 131; *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 1. С. 186, 187). И.В. Зайцев считает, что «обращение к оригиналу надписи на плите показывает, что дата надгробия читается как 7016, но никак не 7017». На наш взгляд, спорная буква — это именно «земля», т.е. «7». Ее начертание напоминает ту же букву в слове «Казанскаго» в последней строке надписи, не считая загнутой в обратную сторону средней ножки и спрямленной верхней дужки. Такие свободные вариации характерны для искусства вязи — ср. совершенно иное начертание той же самой буквы в обозначении тысяч. Даже если букву «земля» трудно здесь узнать из-за слишком сильной стилизации, на букву «S» («зело»), обозначающую «6», она похожа еще меньше.

под 7016 г.¹²⁹ Это предположение было бы очень вероятным, если бы удалось доказать предложенный автором вариант чтения. Но откуда взялась на камне точная дата? Автор эпитафии, как можно понять, не был знаком с летописями, содержавшими указание на год и месяц смерти царевича, тогда как ее день вообще не упоминается в известных источниках¹³⁰. Если же надпись перенесена с более ранней плиты, то почему в ней указан неверный год? Возможно, в предыдущей эпитафии соответствующее место стало со временем нечитаемым или сильно попорченным¹³¹. Изображение Петра (с надписью: «Велики князь Петръ»¹³²) помещено на северной стене собора, недалеко от его захоронения (расположенного у северо-западного столпа)¹³³. Это место (единственное в своем

¹²⁹ *Зайцев И.В.* В каком году умер казанский царевич Петр Ибрагимович — Худайкул б. Ибрахим? С. 132.

¹³⁰ И.В. Зайцев справедливо указывает на то, что и число месяца может быть передано в надписи ошибочно (Там же).

¹³¹ Буквенное сочетание «ЛА», соответствующее летописной дате, могло быть принято, при условии плохой сохранности, за «ЗІ» (или что-то в этом роде). Если мысленно соединить нижнюю часть вызвавшей разногласия буквы с «І», становятся хорошо различимы очертания буквы «А», которые можно видеть на той же надписи. Тогда верхняя часть этой диковинной буквы может быть истолкована как усеченная «Л» (ср. слово «лето» в начале надписи). Вероятно, из остатков разрушенной в этом месте старой эпитафии камнерез (или составитель данного ему образца надписи), не будучи уверен в ее правильном чтении, сконструировал нечто химерическое, в чем можно угадать сразу несколько букв. При помощи такого предположения загадка неверно обозначенного года на надгробии царевича Петра могла бы быть окончательно разрешена.

¹³² И.В. Зайцев по непонятной причине делает из этого вывод об утрате Петром «своего “царственного” именованія» (Там же. С. 129), хотя сам подробно описывает и комментирует его эпитафию, где он совершенно определенно назван «царевичем», как и во всех, за единичным исключением, летописных и прочих упоминаниях. Далее историк пишет, со ссылкой на В.Д. Назарова, что первый случай такой утраты фиксируется у царевича Федора Меликдаировича (Там же). Во-первых, этого племянника Петра помнили как царевича даже в XVII в. (см. выше), а обычное упоминание его с княжеским титулом в разрядах еще не говорит об утрате им титула «царевич» (эти титулы, в случае крещеных татар, иногда были взаимозаменяемы). Во-вторых, нет никаких оснований считать пример племянника хронологически более ранним. Федор Меликдаирович впервые упоминается несколькими годами позже своего дяди (см. выше), умер он также гораздо позднее его (см.: *Беляков А.В.* Крещение служилых Чингисидов в России XVI–XVII вв. С. 108; *Он же.* Царевич князь Федор Меликдаирович Долголядский. С. 236).

¹³³ *Сизов Е.С.* К атрибуции княжеского цикла в росписях Архангельского собора. С. 66 (схема расположения гробниц и надгробных “портре-

роде — все остальные гробницы расположены вдоль стен) было выбрано для погребения царевича неслучайно. Оно несколько дистанцировало его от членов московской династии “по крови”. С другой стороны, все могилы великих и удельных князей (кроме опальных), как хорошо видно на указанной схеме, явно тяготеют к южной половине собора. Е.С. Сизов логично связывает расположение “портрета” Петра с местом его захоронения, но не объясняет выбор самого этого места¹³⁴. Мы тоже пока что затрудняемся дать вразумительное объяснение этому странному факту. Положение царевича при дворе могло со временем меняться, его политическое влияние (не путать с местническим статусом, определяемым в данном случае происхождением супруги!) могло ослабевать, на что, как мы видели, есть некоторые намеки в источниках, но ничто, кажется, не говорит о том, что он когда-либо находился в опале. Вместе с тем, гробница Петра расположена прямо по левую руку от центрального входа в собор, на очень заметном (и почетном?) месте. Отметим также, что на одной из граней того же столпа, у которого погребен Петр, был позднее изображен сам Василий III, его шурин и покровитель (это также исключительный случай вынесения изображения одного из погребенных здесь князей на колонну — определено в знак особого почтения)¹³⁵.

Царевич Петр также упомянут в числе большой группы великих и удельных князей (а также их супруг и супругов), по которым служились панихиды и давался ежегодный корм в Симоновом монастыре¹³⁶.

Как уже говорилось выше, И.В. Зайцев, внесший своей статьей ценный вклад в изучение надгробия царевича Петра, стал

тов”), 78 (репродукция), 80 (описание и комментарий), 94 (текст надписи). Надписью «великий князь» помечены настенные изображения всех погребенных в Архангельском соборе князей, включая удельных (см.: Там же. Прил. II). Эта необычная стандартизация титула, когда бы она ни произошла (сохранившиеся росписи относятся ко второй половине XVII в.: *Он же*. Датировка росписи Архангельского собора Московского Кремля и историческая основа некоторых ее сюжетов // Древнерусское искусство. XVII век. М., 1964. С. 160–174), была перенесена и на царевича Петра, изображение которого стоит в ряду прочих «великих князей».

¹³⁴ *Он же*. К атрибуции княжеского цикла в росписях Архангельского собора. С. 80.

¹³⁵ Там же. С. 69.

¹³⁶ Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 82. Это коллективное поминовение, совершавшееся в один день, было заказано, очевидно, кем-то из московских государей, проявившим заботу об упокоении душ своих сородичей. Также см.: Кормовая книга XVI в., Библиотеки Троицкой Сергиевой Лавры № 821. С. 37.

жертвой недоразумения. Не будучи знаком с сообщением Типографской летописи, он счел, что дата смерти Петра не встречается в письменных источниках, а является реконструкцией А.А. Зимина¹³⁷. Отсюда исследователем делается ошибочный вывод: «Таким образом, дата 13 марта 1523 г. является, скорее всего, результатом комбинации разных данных. Настоящей даты кончины царевича мы пока не знаем»¹³⁸. На самом деле, как видим, только день смерти Петра не засвидетельствован в летописании, дошедшем до наших дней. Сообщение Тип. о смерти царевича Петра было известно еще В.В. Вельяминову-Зернову, однако он немного сомневался в его достоверности, видимо, по причине его уникального (для опубликованных летописей) характера, а также наличия альтернативной даты (с той самой эпитафии), которая, впрочем, вызывала у него еще меньше доверия¹³⁹.

Типографская летопись (Синодальной редакции, или собственно Тип.) представляет собой самостоятельный общерусский летописный свод, хорошо информированный и опирающийся на собственную «базу данных», составленный в конце 1520-х или в 1530-е гг. (основной текст доведен до конца 1527 г.¹⁴⁰), по-видимому, в Троице-Сергиевом монастыре, при игумене (будущем митрополите) Иоасафе¹⁴¹. Его создатели сочувствовали Василию III

¹³⁷ *Зайцев И.В.* В каком году умер казанский царевич Петр Ибрагимович — Худайкул б. Ибрахим? С. 132 (со ссылкой на: *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. С. 298; надо — С. 257), 133. Отчасти вина за это лежит на не очень удачной расстановке сносок в монографии Зимина, нередко отрывающей ссылку на источник от соответствующего ей места в тексте, а иногда даже путающей сноски или, как в рассматриваемом случае, вовсе забывающей о них.

¹³⁸ *Зайцев И.В.* В каком году умер казанский царевич Петр Ибрагимович — Худайкул б. Ибрахим? С. 132.

¹³⁹ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 1. С. 186, 187. Эта летопись скрывается у него под аббревиатурой «Про.», которая должна расшифровываться как «Продолжение Нестерова летописца», — по второй части заглавия, под которым вышло издание Тип., используемое автором (см.: ПСРА. Т. 24. С. [I]).

¹⁴⁰ Разность почерков последних приписок за 1530 и 1533 гг. (ПСРА. Т. 24. С. 223, 224) и их отрывочный, «рабочий» характер, говорит за их относительную синхронность с описываемыми событиями. Следовательно, основная часть летописи должна была быть написана, на наш взгляд, ок. 1529—1530 гг.

¹⁴¹ *Насонов А.Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века. С. 376, 389; *Сербина К.Н.* Типографская летопись 1528 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1991. Т. 22. С. 178, 179. А.Н. Насонов считал, что Тип. была создана по заказу митрополита Даниила или с расчетом на его апробацию (*Насонов А.Н.* История русского ле-

и блюли его престиж, но могли фиксировать информацию, оставленную “за бортом” другими сводчиками. Поэтому осведомленности Тип. вполне можно доверять.

Проследив с максимальной полнотой жизненный путь царевича Худайкула-Петра — в той мере, в какой позволяют это сделать имеющиеся источники, — можно теперь вернуться к разбору гипотезы А.А. Зимина и посмотреть, насколько она соответствует известным фактам. Рассмотрим аргументы, которые были — или могли быть, судя по идеям, высказанным им в другой связи, — выдвинуты историком в поддержку своей точки зрения, изложив их по пунктам. Все доводы, перечисляемые ниже, были изложены А.А. Зиминим уже в ранней версии предложенного им обоснования своей гипотезы. Очевидно, чувствуя их недостаточность и уязвимость, исследователь впоследствии подверг их частичной ревизии, переформулировав, уточнив и дополнив новыми соображениями ряд своих прежних положений. Однако в целом предложенная им система доказательств не претерпела значительных изменений.

1. К концу 1509 г., когда Василий III взялся за составление своего первого, впоследствии уничтоженного, завещания¹⁴², его от-

тописания XI — начала XVIII века. С. 390, 394; с этим мнением согласна К.Н. Сербина: *Сербина К.Н.* Типографская летопись 1528 г. С. 186), обосновывая это оправданием составителем этой летописи второго брака Василия III и солидарностью летописца с осуждением Максима Грека. Однако для этого было достаточно, если летопись действительно создавалась в Сергиевом монастыре, благожелательной или просто конформистской позиции самого троицкого игумена. Наблюдения А.Н. Насонова, как и дополнения к ним К.Н. Сербиной (Там же. С. 187), лишь подтверждают официозный и чувствительный к пожеланиям великокняжеской власти характер Тип., а также, вероятно, использование ею документов, вышедших из митрополичьей канцелярии (см.: *Тихомиров М.Н.* Новый памятник московской политической литературы XVI в. С. 158).

¹⁴² Именно с этим завещанием А.А. Зимин связывал официальное назначение царевича Петра наследником великокняжеского престола: *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. С. 99; *Он же.* В канун грозных потрясений. С. 25. Наша попытка ответить на поставленный автором вопрос: «Кому завещал великое княжение Василий III [в конце 1509 г.]?» (*Он же.* Россия на пороге нового времени. С. 99; ср.: *Он же.* В канун грозных потрясений. С. 25), — была представлена в первой части статьи: Каптеревские чтения. Вып. 14. С. 292, прим. 136. В этом примечании нами была допущена одна фактическая ошибка. Первое завещание, если верна его летописная хронологическая привязка, было составлено не при митрополите Варлааме, вступившем на кафедру в 1511 г., а при его предшественнике Симоне. Это значит, что упомянутыми в завещательной записи 1523 г. подписью и печатью Варлаама (ДиДГ. С. 415) был скреплен

ношения «[с]о старшими братьями (особенно с Юрием)» «были резко испорчены». «В таких условиях вряд ли Василий III склонен был бы считаться с практикой XIV в., когда наследовал старший из оставшихся в живых братьев великого князя. Этому порядку нанес удар еще дед Василия III Василий II Темный, покончивший с притязаниями Юрия Галицкого»¹⁴³. С первым высказанным здесь тезисом вполне можно согласиться, поскольку он касается Юрия Дмитровского. О таком же напряженном состоянии отношений с Дмитрием Углицким, как мы видели в первой части настоящей работы, в указанные годы ничто не свидетельствует. Кроме того, сам автор говорит лишь о старших из братьев, но ведь были еще два младших: один из них, Семен, был только недавно отпущен на положенный ему отцовским завещанием удел, второй, Андрей, еще находился при старшем брате в Москве¹⁴⁴. Отношения с ними еще не были, по-видимому, ничем омрачены, есть даже некоторые основания полагать, что Андрей в то время был фаворитом Василия III и весьма близким к нему лицом, привлекаемым к делам государственного управления. Почему же не мог быть назначен наследником в то время Дмитрий Углицкий, следующий по старшинству после Юрия, молодой и, видимо, весьма амбициозный Семен Калужский или еще более юный и находящийся пока в полном распоряжении великого князя Андрей? Далее, приводимая А.А. Зиминным аналогия с временами Василия II некорректна. В начале этой нашей работы было выяснено, что прямой порядок престолонаследия, действительно сильно упроченный победой Василия Темного над своим дядей и его сыновьями, не стал еще безусловным и обязательным законом или обычаем в Москве и даже был основательно поколеблен не далее как в правление отца Василия III, передавшего статус соправителя и наследника второму сыну в обход еще живого и официально венчанного «шапкой Мономаха» старшего внука, бесспорного наследника по

уже второй вариант завещания, составленный, возможно, одновременно с приписным списком к нему, упомянутым там же. А.А. Зимин также не обратил внимания на существование этого «промежуточного» варианта, считая вторым завещание 1533 г. (*Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 99*). Похоже, осталось незамеченным указанное противоречие и в монографии М.М. Крома, заново рассмотревшего проблему завещания Василия III (*Кром М.М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х гг. XVI в. М., 2010. Особенно см.: С. 41, прим. 41*). Возможно, при Варлааме была лишь переоформлена предыдущая духовная, оставленная по существу без изменений, почему обе первые духовные грамоты могли впоследствии считаться за одну.

¹⁴³ *Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 99.*

¹⁴⁴ См. первую часть этой статьи.

прямой линии. Неверно такое сопоставление и по существу. То был типичный для Рюриковичей конфликт между дядей и племянником — между наследованием от брата к брату или от отца к сыну. И отец Василия II, и он сам имели собственного наследника по прямой. Очевидно, что в случае Василия III мы имеем дело с коллизией совсем иного рода — нежеланием (для этого времени только предполагаемым) правящего государя передать после себя власть брату не *потому*, что он имел собственных детей, а *вопреки тому*, что он их не имел. Такой случай был в истории московской династии и, возможно, всего рода Рюриковичей беспрецедентным.

Сознавая это, А.А. Зимин скорректировал позднее данный аргумент, но сделал это не очень удачно. Теперь он писал о «резко неприязненных» отношениях в указанное время с одним только Юрием. Передача престола младшим братьям в обход Юрия, рассуждает далее историк, «означала бы невиданное нарушение старинных традиций, да и не меняла ничего по существу (? — Р.И.). Думается, наследником престола Василия III хотел сделать царевича Петра»¹⁴⁵. При этом автор как бы не замечает того, что передача престола зятю, не состоящему в кровном родстве с потомками Даниила Московского и Ивана Калиты, да и вообще с Рюриковичами (чья монополия на владение русскими княжескими столами была освящена многовековой традицией и почти никогда не нарушалась), в обход всех родных братьев разом означала бы еще более вопиющее и беспрецедентное попрание «старинных традиций». А.А. Зимин не поясняет, почему, не решившись на нарушение традиции, еще кое-как вписывающееся в общепринятые нормы, Василий III смело пошел на гораздо более радикальный разрыв с нею — и это всего через четыре года после весьма спорного вступления на престол!¹⁴⁶ — и оставался верен принятому решению, в отсутствие каких-либо известных нам протестов против подобного произвола¹⁴⁷, в течение примерно 21 года (!), вплоть до рождения у него сына.

¹⁴⁵ Зимин А.А. В канун грозных потрясений. С. 25.

¹⁴⁶ См. первую часть статьи.

¹⁴⁷ Напомним, что и спорное с точки зрения церковной и династической легитимности вступление Василия III на престол, и столь же сомнительный его второй брак вызвали заметное, быть может, даже весьма широкое, недовольство среди его подданных, в аристократических и церковных кругах, явственные отголоски которого, несмотря на сусальный тон и умолчания официального летописания, насаждаемую идеологию “царебожия”, цензурные препоны и прочие препятствия, дошли до нашего времени.

2. Царевич Петр был «наиболее близким» к Василию III лицом из числа членов его семьи¹⁴⁸. В доказательство такой близости говорится: «Именно Петр сопровождал всегда Василия III в трудные походы (например, 1509–1510 гг.) или оставался “местоблюстителем” великокняжеского престола в Москве»¹⁴⁹. Известно всего о двух походах с участием Петра, особая «трудность» первого из них, упомянутого в приведенной цитате, сомнительна. В дальнейшем Василий III как раз предпочитал обходиться без присутствия Петра в крупных военных предприятиях (как и во всех прочих). Важнее в этом случае не значимость самого похода, а оказываемый тому или иному лицу почет церемониального сопровождения особы великого князя в кругу ближайших к нему лиц. Но здесь в абсолютно равном положении находились братья государя: Андрей, вместе с Петром сопровождавший Василия III в новгородско-псковском походе¹⁵⁰, Дмитрий, вышедший в первый смоленский поход 1512–1513 гг., из Москвы вместе с великим князем и Петром, и присоединившийся к ним вскоре Юрий. Сложнее обстоит дело с «местоблюстительством» в Москве. Действительно, иногда наместником «на Москве» оставался наследник престола¹⁵¹. Однако намного чаще мы видим в этом качестве одного из братьев или сыновей великого князя или знатных бояр¹⁵². Последние едва ли могут рассматриваться как предполагаемые престолонаследники (в рассматриваемую эпоху) даже при самом смелом полете воображения, первые же вполне могут составить конкуренцию “претендентам” на этот статус, выдвинутым А.А. Зиминим. Как известно, мы имеем здесь дело с

¹⁴⁸ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 99.

¹⁴⁹ Там же; ср.: *Он же*. В канун грозных потрясений. С. 25–26 (здесь несколько скорректирована фактическая аргументация, но общий вывод сохранен).

¹⁵⁰ У Зимина Андрей по недоразумению назван малолетним во время этого похода (*Он же*. В канун грозных потрясений. С. 25). В это время Андрею шел уже двадцатый год, о чем прекрасно знал и сам автор (*Он же*. Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 283).

¹⁵¹ Например: ПСРЛ. Т. 8. С. 204 (Иван Молодой, старший сын и соправитель Ивана III).

¹⁵² Иоасафовская летопись. С. 192 (Семен и Андрей, братья Василия III), 194 (брат Семен и зять Петр), 195 (брат Андрей и зять Петр); ПХ 1512. С. 271 (жена Ивана III?, сын Василий — еще не наследник), 272 (боярин И.Ю. Патрикеев); РК 1598. С. 20 (жена Ивана III?, боярин Г.В. Морозов), 44 (боярин Я.З. Кошкин), 112 (кн. Юрий, брат Ивана IV, и кн. В.А. Старицкий, двоюродный брат Ивана IV), 115 (кн. В.А. Старицкий), 124 (он же), 141 (кн. Юрий, брат Ивана IV), 151 (он же), 159 (он же) и т.д. (в скобках приведены имена лиц, указанных первыми в перечнях оставленных «на Москве» или же в паре через союз «да»).

особой боярской комиссией, бравшей в свои руки функции текущего управления на время отсутствия государя в столице. И возглавлять ее надлежало, конечно же, наиболее родовитым и доверенным людям из ближайшего окружения верховного правителя. Кто же подходил для этой роли лучше, чем один из знатнейших бояр или близкий родственник великого князя (будь то сын, брат или зять)? Никакой существенной информации для определения лица, обладавшего на данный момент рангом престолонаследника, эти назначения не дают.

Впоследствии А.А. Зимин постарался развить вышеприведенные аргументы. В частности, он указывал на то, что во время первого смоленского похода Петр вместе с великим князем возглавлял большой полк, а братья последнего Юрий и Дмитрий, соответственно, — полки правой и левой руки. «Это достаточно четкая картина иерархии удельных княжат [...] при великокняжеском дворе», — резюмирует историк¹⁵³, не уточняя при этом, о чем именно, по его мнению, говорит эта «четкая картина». Судя по тому, что указание это приведено в ряду доводов, подтверждающих возможность назначения царевича наследником престола, надо думать, что автор понимал данную разрядную роспись в том смысле, что в командовании полками в этом походе Петр занимал место более высокое и почетное, чем старшие из братьев Василия III. Это было бы действительно так, если бы Петр сам командовал большим полком, однако разрядные книги ясно указывают — и это их указание фактически воспроизводит на той же странице своего труда сам А.А. Зимин, — что Петр находился в большом полку «с великим князем»¹⁵⁴, т.е. формально во главе наиболее престижного полка стоял сам Василий III (конечно, церемониальное распределение командных должностей в строгом соответствии с местнической иерархией могло сильно отличаться от фактического положения вещей «на земле»). Тот же разряд проливает свет и на вероятную причину такого необычного «назначения». Дело в том, что царевич Петр, которому Василий III, возможно, доверил в этот раз фактическое командование большим полком (или же просто решил сделать из него второго воеводу «honoris causa», подобно назначению первым воеводой самого себя), не мог занимать место выше братьев великого князя просто по праву своего (и их) рождения, они же, коль скоро большой полк возглавил сам Василий III, не могли получить назначение ниже, чем во главе двух следующих по значению полков (быть может, тоже чисто номинальное). Василий III нашел выход из

¹⁵³ Зимин А.А. В канун грозных потрясений. С. 25.

¹⁵⁴ РК 1598. С. 49.

положения, сделав своего зятя вторым воеводой при себе самом. Честь великокняжеских братьев была таким образом спасена, ибо второй воевода большого полка, по представлениям того времени, не был «больше» первых воевод правой и левой руки. Таким образом, традиционная иерархия не только не была нарушена или изменена указанным назначением, как, вероятно, полагал А.А. Зимин, но, наоборот, самым тщательным образом *формально* соблюдена. Несмотря на головокружительные трансформации политико-правовых структур в конце XV — первой половине XVI вв., сложившиеся базовые представления о родовой иерархии демонстрировали поразительную устойчивость. Достаточно внимательно пролистать страницы разрядных и родословных книг той эпохи, чтобы убедиться в этом. Такова была сила традиции, а также престиж родовитости, благородного происхождения. Настолько мощно сказывалось влияние родовых начал в довольно еще архаичном в своей культурной основе и социальной организации Московском государстве «всёя Руси». Это формальное соблюдение традиционного местнического порядка, повторим еще раз, совсем не означает, что влияние удельных братьев при дворе было на самом деле выше, чем, скажем, влияние того же Петра, и, строго говоря, не может служить доводом против гипотезы Зимина, как и доводом в ее поддержку. Совсем другое дело, если бы царевич действительно занял местническую позицию выше братьев Василия III. За таким радикальным изменением привычного ритуала, незыблемой формы непременно должны были бы стоять и фактические перемены гигантского масштаба. Однако приведенные здесь и выше сведения местнического характера не подтверждают реальность такой метаморфозы. Возможно, дальнейшие исследования помогут окончательно прояснить этот вопрос.

Далее, перечислив все известные случаи оставления Петра вместо великого князя в Москве (но забыв при этом указать, что вместе с ним там же оставался один из безудельных на то время братьев Василия III, пока таковые оставались в наличии), А.А. Зимин приходит к заключению, что этим подтверждается полное доверие государя к своему зятю¹⁵⁵. С последним выводом трудно поспорить, но все же доверие, пусть даже самое полное, еще не равносильно назначению наследником престола. Подобным доверием, как мы уже выяснили, пользовались многие члены семьи московских государей и некоторые из их знатнейших бояр, никогда, впрочем, не числившиеся в престолонаследниках и не имевшие никаких причин получить такой статус. При самом Василии III «на

¹⁵⁵ Зимин А.А. В канун грозных потрясений. С. 25–26.

Москве» бесспорно оставались Семен и Андрей, каждый из которых, по логике А.А. Зимина, может в таком случае также рассматриваться как предполагаемый наследник великого князя.

3. Царевич Петр принес «присягу на верность, сходную с той, которую дал в 1529 г. князь Федор Мстиславский»¹⁵⁶. Сам этот довод имеет весьма относительное значение, поскольку статус наследника обоих сопоставляемых здесь лиц еще нуждается в доказательстве (сам автор старается обосновать при его посредстве скорее переход ранга наследника от Петра к Мстиславскому, чем наличие такого ранга у самого Петра). Как уже говорилось, все «укрепленные грамоты» содержат в общем сходный набор клаузул, несколько варьирующий в зависимости от личности дающего такую запись и сопутствующих обстоятельств. Однотипны и основные элементы их начального и конечного протокола. А.А. Зимин не указал таких специфических черт сходства между двумя документами, которые, во-первых, свидетельствовали бы об их связи с вопросом престолонаследия и, во-вторых, были бы присущи именно этим крестоцеловальным записям, в отличие от всех прочих. Мы, со своей стороны, не обнаружили таких черт при сравнении двух указанных грамот. Специальная общность между ними состоит лишь в том, что обе записи были даны не в искупление «вины», как остальные, а при поступлении на службу к великому князю. Этим могут объясняться некоторые особенности их формуляра, как, например, отсутствие именованного лица, выдавшего грамоту, «холопом» великого князя. Имеются между двумя записями и некоторые существенные отличия, прямо не вытекающие из конкретно-исторических обстоятельств их составления. Например, в грамоте царевича Петра не упомянуто о предстоящем бракосочетании его с сестрой великого князя. Если этот брак имел, как предполагает А.А. Зимин, первостепенное значение для последующего признания царевича наследником престола, и с этим же намерением связана взятая с него крестоцеловальная запись, такое упущение труднообъяснимо. Однако, несмотря на все сходства и различия, повторим, ничто в форме и содержании двух этих записей не указывает на то, что приносившая клятву верности персона утверждалась тем самым в роли наследника престола или когда-либо рассматривалась в этом качестве. Напротив, они содержат, на наш взгляд, явное указание на то, что приводимые к присяге лица не могли быть наследниками престола или, по крайней мере, не считались таковыми на

¹⁵⁶ *Он же*. Россия на пороге нового времени. С. 316 (на той же странице автор говорит и о сходстве этой присяги Ф.М. Мстиславского с присягой И.М. Воротынского); ср.: *Он же*. В канун грозных потрясений. С. 26.

время их составления. Мы имеем в виду содержащееся в обеих записях обязательство служить и хранить верность не только самому Василию III, но и его «детем»¹⁵⁷, каковых, правда, тогда еще не было в природе. Вряд ли такое обязательство соответствовало действительному или предполагаемому статусу наследника престола. Скорее оно свидетельствует о зачислении новоприбывших к московскому двору в ряды титулованной служилой аристократии, обязанной пожизненной службой новому сюзерену и его предполагаемым наследникам по крови. Никаких других вариантов перехода приносимых клятв после смерти Василия III на его преемника грамоты не предусматривают (еще одно косвенное свидетельство истинных намерений великого князя). Несомненно, закреплением за обоими этими «наследниками» (по А.А. Зимину) нового для них положения в составе государева двора и объясняется взятие с них «укрепленных грамот». Никакого отношения к престолонаследию они, по всей видимости, не имеют. Таким образом, ни факт выдачи двух указанных грамот, ни информация, заключенная в них самих, не могут служить даже косвенным подтверждением выдвинутого А.А. Зиминим предположения.

4. Царевич Петр не получил в России удела¹⁵⁸ или кормления. Василий III следовал в этом примеру Ивана III, «который по сходным причинам [поскольку рассматривал его «как своего прямого наследника» — Р.И.] воздержался от выделения удела Дмитрию-внуку»¹⁵⁹. На это можно возразить, во-первых, что само по себе положение наследника не препятствовало владению уделом. Так, сам Василий III обладал уделом в последние годы жизни своего отца. Вспомним и наследников-братьев и даже сыновей более раннего времени. Да и с фактическим отсутствием удела у Дмитрия Внука не все так ясно. Во-вторых, ученый противоречит самому себе, ведь выше он сам называл полученные Петром от

¹⁵⁷ СГГД. Ч. 1. С. 402, 433.

¹⁵⁸ Ранее нами было предложено, во избежание терминологических недоразумений, отказаться от термина «удел» применительно к землям, жалуемым великим князем служилым князьям и сходным с ними категориям вассалов, с какими бы широкими правами ни было связано обладание этими землями (см.: *Иглесиас Р.Ф.* *Ното повус: проблема интеграции новоприбывшего служилого князя в русскую политическую систему на примере Ф.М. Мстиславского (1526–1533 гг.)* // Каптеревские чтения: Сб. ст. М., 2015. Вып.13. С. 14–20). В этом случае целесообразнее говорить о вотчине или, если есть необходимость подчеркнуть высокий статус такого владения, о «квази-уделе».

¹⁵⁹ *Зимин А.А.* *Россия на пороге нового времени.* С. 405; вкратце повторено: *Он же.* *В канун грозных потрясений.* С. 24.

Василия III владения его уделом¹⁶⁰. То, что уже вскоре после этого, как полагает А.А. Зимин, удел был им утрачен¹⁶¹, не может служить подтверждением выведенному автором принципу. Причины этой утраты, если только здесь нет какой-то ошибки или путаницы в показаниях источников, могут быть самыми разными. То, что предполагаемая замена выделенной Петру вотчины какой-то другой формой содержания связана с его выбором в наследники Василия III, нуждается в особых доказательствах, которые, как нам представляется, отсутствуют. Преимущественное пребывание царевича в Москве, которое, кажется, вырисовывается из немногочисленных его упоминаний, еще не свидетельствует об отсутствии у него крупной вотчины (или вотчин), сопоставимой с уделом, будь то в Клину, Городне или где-то еще. Если даже Петр действительно не получил «удела» или получил его гораздо позже 1506 г., связать это обстоятельство с его предполагаемым статусом наследника очень трудно, и уж никак нельзя вывести прямую второе из первого.

5. Аналогию с Симеоном Бекбулатовичем, женившимся на правнучке царевича Петра и назначенным Иваном Грозным номинальным «великим князем»¹⁶², также нельзя признать убедительной. Помимо неясности побудительных мотивов, двигавших душевнобольным тираном в этом и многих других его начинаниях, сама аналогия явно хромает. Крещеный касимовский хан, по-видимому, не был наследником московского престола¹⁶³. Суть затеянного Грозным «маскарада» состояла не в назначении себе преемника, а в мнимом отречении царя от верховной власти с передачей ее в руки нового «великого князя», очередной вариации зловещей игры в опричнину и земщину. Устроенная царем свадьба Симеона с дочерью боярина кн. И.Ф. Мстиславского (бывшего номинального главы земщины), приходившегося по своей матери, старшей дочери Петра и Евдокии, внуком царевичу Петру и правнуком Ивану III¹⁶⁴, несомненно, имела целью ввести новоявленного фаворита в ряд ближайших родственников царя по женской линии (аналогичную цель преследовало бракосочетание кн. Ф.М. Мстиславского, также пользовавшегося особым

¹⁶⁰ *Он же*. Россия на пороге нового времени. С. 75.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² *Зимин А.А.* Иван Грозный и Симеон Бекбулатович в 1575 г. С. 145–148; *Он же*. Россия на пороге нового времени. С. 423; *Он же*. В канун грозных потрясений. С. 26–27.

¹⁶³ Иначе считает Зимин: *Он же*. В канун грозных потрясений. С. 26, 27.

¹⁶⁴ БК. Ч. 1. С. 27.

благоволением Василия III¹⁶⁵, и старшей дочери Петра, племянницы великого князя). Подобные браки издавна служили знаком особого отличия для знатных слуг московских государей, особенно из числа новоприбывших членов иноземных правящих родов. Однако эти свадьбы, при всей их значимости, никак не могут свидетельствовать об утверждении нового родственника в ранге наследника престола. Лишь не слишком обоснованное предположение А.А. Зимина, что такой статус имели царевич Петр и женатый на его дочери кн. Ф.М. Мстиславский, создает кажущуюся закономерность, которая затем распространяется автором, не без логического изъяна, и на Симеона Бекбулатовича.

6. Со смертью царевича Петра в марте 1523 г. А.А. Зимин связывал а) составление дополнительной записи к завещанию Василия III (июнь 1523 г.)¹⁶⁶ и б) начало практической подготовки к разводу его с бесплодной Соломонией Сабуровой с целью вступления в новый брак¹⁶⁷. На первый взгляд, такое построение имеет свой резон, но при более тщательном рассмотрении с ним возникают значительные трудности. Что касается «духовной записи», датированной июнем 1523 г., то она, в отличие от завещаний Василия III, к счастью, сохранилась¹⁶⁸. Однако она не содержит никаких распоряжений, которых следовало бы ожидать в случае смерти официального наследника престола¹⁶⁹, чье имя, как считал А.А. Зимин, было указано в первом и все еще действующем великокняжеском завещании¹⁷⁰. Эта «запись», очень небольшая по объему, касается всего двух частных, хотя и немаловажных, вопросов. Во-первых, она утверждает душеприказчиком великого князя, вместо сведенного с митрополии Варлаама, его преемника Даниила, вступившего на митрополичью кафедру в февра-

¹⁶⁵ Подробнее о Ф.М. Мстиславском (Заславском) и его отношениях с великим князем см.: *Иглесиас Р.Ф.* Ното повус: проблема интеграции новоприбывшего служилого князя в русскую политическую систему на примере Ф.М. Мстиславского (1526–1533 гг.). С. 24–82.

¹⁶⁶ *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. С. 257; *Он же.* В канун грозных потрясений. С. 26; *Он же.* Дмитровский удел и удельный двор во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 187.

¹⁶⁷ *Он же.* Россия на пороге нового времени. С. 258; *Он же.* В канун грозных потрясений. С. 26.

¹⁶⁸ ДиДГ. С. 415.

¹⁶⁹ А.И. Филюшкин, широко и часто некритично использующий в своей научно-популярной биографии Василия III труд Зимина, обратил внимание на это явное несоответствие (*Филюшкин А.И.* Василий III. С. 273).

¹⁷⁰ Это обстоятельство, заметим, бросает серьезный вызов и предположению историка по части содержания первой духовной грамоты.

ле предшествующего года, при этом все положения прежде составленной духовной и «приписного списка» к ней определенно остаются в силе¹⁷¹. Во-вторых, Василий III дает распоряжения, на случай своей скорой кончины, о строительстве и земельном обеспечении обетного «Девича» монастыря в Москве «на посаде». Единственным мотивом составления «записи» в ней самой называется предстоящий поход на Казань, в котором Василий III собирался принять личное участие¹⁷². Таким образом, содержание этого документа и известные обстоятельства его составления не дают никаких оснований связывать его со смертью царевича Петра, за исключением хронологической близости обоих событий, как и с вопросом о престолонаследии в целом. Выдвигаемая иногда версия о том, что само сооружение Новодевичьего монастыря (завершенное в 1525 г.) было связано с подготовкой развода Василия III¹⁷³, представляет собой неподтвержденную (хотя и вероятную) гипотезу. Достоверно известно лишь то, что после пострижения (совершенного в Рождественском монастыре) Соломония Сабурова содержалась совсем в других обителях¹⁷⁴.

¹⁷¹ Поэтому А.А. Зимин не совсем точен, когда говорит, что в это время имел место «пересмотр завещания великого князя» (*Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 257*) и был составлен «новый вариант [...] завещания» (*Он же. Дмитровский удел и удельный двор во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 187*). В более поздней работе историк еще дальше отступает от показаний источника, утверждая, что Василий III «в июне 1523 г. возвращается к своему завещанию и, в частности, составляет «приписной список» [...]» (*Он же. В канун грозных потрясений. С. 26*). У читателя создается таким образом ложное впечатление, что имела место радикальная переработка завещания, лишь одним из моментов которой якобы стало составление завещательного документа, ошибочно названного здесь «приписным списком» (на самом деле «духовной записи»). Видимо, автор, к концу жизни спешивший завершить свое новое исследование, отталкивался в этом случае уже не столько от самого первоисточника, сколько от собственной его интерпретации, данной ранее в обоснование идеи о Петре как наследнике престола.

¹⁷² Рассказывая о подготовке к походу на Казань в 1523 г., А.А. Зимин ни словом не упоминает о составлении в то же время и в той же связи «духовной записи» (*Он же. Россия на пороге нового времени. С. 253*), как и при рассмотрении самой этой записи не называет ясно обозначенную причину (или повод) ее написания. Тем самым связь между двумя этими событиями искусственно разрывается.

¹⁷³ Напр., см.: Там же. С. 294, 295. А.А. Зимин не настаивает на том, что строительство монастыря было непременно связано с планами пострижения Соломонии, допуская и иные мотивы (Там же. С. 294).

¹⁷⁴ См.: Там же. С. 296.

Тезис о том, что мысль о разводе окончательно созрела у Василия III именно в 1523 г., опирается главным образом на два свидетельства. Во-первых, на начало февраля 1523 г., «за неделю до великого заговенья мясного»¹⁷⁵, в Москве намечался созыв церковного собора с участием великого князя, на котором предполагалось рассмотреть «великие дела духовные и церковные», к сожалению, не обозначенные конкретнее, а также некое дело самого Василия III («а мне до вас мое дело»)¹⁷⁶. Ни летописи, ни другие нарративные источники об этом соборе не упоминают, что дало основание А.А. Зимину сомневаться в том, состоялся ли он вообще¹⁷⁷. Несколько туманно и даже загадочно сформулированная повестка дня, явно выраженная личная заинтересованность Василия III, а также настоятельность требования явиться для участия в соборе в кратчайшие сроки действительно позволяют усматривать в цели его созыва какой-то вопрос чрезвычайной церковно-государственной важности. Таким вопросом мог быть и предстоящий развод великого князя, требовавший санкции духовных властей. Тем не менее, прямых доказательств этой версии нет. Во-вторых, Прод. Пск. 1-й по Погодинскому списку¹⁷⁸ и Прод. Соф. 1-й по Горюшкинскому списку¹⁷⁹ сообщают под 7031

¹⁷⁵ По нашим расчетам, Мясопустная неделя (воскресенье) приходилась в 1523 г. на 8 февраля, значит, открытие собора планировалось на 1 февраля (ср.: Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. М., 1988. [Вып.] 4. С. 871 — 10 февраля).

¹⁷⁶ Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства / Изд. Археографическая комиссия. Спб., 1838. С. 385–386 (две «посыльные грамоты» от 23 января 1523 г. епископу Суздальскому от имени митрополита и великого князя с предписанием прибыть на собор, «а грамоты ко всем владыкам писаны сици»).

¹⁷⁷ *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. С. 258. Сообщая о намеченном созыве собора, историк не утверждает прямо, что на нем должен был обсуждаться вопрос о разводе, однако весь ход рассуждений автора подводит именно к такой мысли (Там же).

¹⁷⁸ Иначе этот летописный свод называется редакцией Пск. 1-й (или сводом) 1547 г.: *Охотникова В.И.* Летописи Псковские // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Ред. Д.С. Лихачев. М., 1989. Вып. 2: Вторая половина XIV — XVI в. Ч. 2. С. 28.

¹⁷⁹ Псковские известия этого позднего новгородско-софийского свода представляют собой систематическое сокращение свода 1547 г. (*Тихомиров И.[А.]* Обозрение состава московских летописных сводов. 1425–1533 гг. // Журнал Министерства народного просвещения. 1895. Ч. 300. Август. С. 448; Псковские летописи. Вып. 1. С. LVIII–LXI). Аналогичный текст должен читаться и в нескольких неизданных списках того же софийского свода; он имелся и в Бальзеровском списке, пока его конец не оказался утраченным (Там же).

(1522/3) г., что Василий III «бысть кручина о своей великой княгине», после чего говорится об отбытии великого князя «[т]ого же лѣта» «в объездъ»¹⁸⁰ (далее в Прод. Пск. 1-й приведено навязное апокрифами поэтическое описание жалоб государя своим приближенным на тяжкую долю бездетного супруга). Осенью¹⁸¹ того же года великий князь, возвратившись «из объезда к Москве», «начаша думати со своими бояры о своей великой княгине Соломонеи, что не плодна бысть». Затем следует изложение речи Василия III к боярам, часто цитируемое в общих и специальных исторических трудах: «[К]ому по мнѣ царствовать на Роуской земли, и во всѣх градах моих и в придѣлех; братьи ли дам, ино братья своих оудѣлов не оумѣють устраивати»¹⁸², — и боярский приговор, одобряющий развод. Завершается этот рассказ кратким сообщением о повелении «пострищи» великую княгиню¹⁸³.

Итак, если следовать буквально свидетельству Прод. Пск. 1-й (Прод. Соф. 1-й лишь передает тот же текст в сокращении, не добавляя ничего нового), Василий III впервые (?) заговорил — возможно, сначала иносказательно — со своими приближенными о необходимости развода в конце лета или начале осени 1523 г. Вернувшись в столицу, он той же «осенью»¹⁸⁴ созывает боярскую думу и уже прямо ставит перед ней вопрос о «неплодии» Соломонии. Бояре, заранее подготовленные (многие из них, вероятно, сопровождали Василия III в его «объезде») и верно уловившие желание своего государя, одобряют его развод (это одобрение было, ради «спасения лица» государя, облечено в форму боярского совета — таким образом бояре как бы брали на себя инициативу в морально предосудительном деле). Такова версия летопис-

¹⁸⁰ Ср.: *Зимин. А.А.* Выпись о втором браке Василия III // ТОДРА. Л., 1976. Т. 30. С. 145.

¹⁸¹ Указание на осень («тоя осени») есть только в Прод. Пск. 1-й. Неясно, следует ли считать это логическим продолжением рассказа, для связности записанным под тем же годом, что и его начало, так что с этого момента идет уже изложение событий следующего сентябрьского года (именно так понимал рассматриваемое известие *Зимин. А.А.* Россия на пороге нового времени. С. 258), или же объезд, по мнению летописца, начался не позднее сентября того же года и весь он укладываются, таким образом, в один сентябрьский год.

¹⁸² Это известие, как бы ни относиться к его достоверности, чрезвычайно важно для нас как единственное свидетельство отношения Василия III к своим братьям и к вопросу о предполагаемом наследнике, изложенное от первого лица и, возможно, восходящее к рассказу кого-то из близких к нему людей.

¹⁸³ Псковские летописи. Вып. 1. С. 102, 103; ПСРА. Т. 6. С. 29, 30.

¹⁸⁴ Т.е., вероятно, между октябрём и декабрём, включительно — об особенностях летописного времячисления см. выше.

ца и/или его информатора, явно сочувственная по отношению к Василию III. Ход обсуждения мог быть намного более бурным, а согласие вовсе не столь единодушным¹⁸⁵, но сомневаться в общем итоге заседания думы вряд ли приходится.

Однако попытаемся разобраться с хронологией событий. Дальнейшая хронология Пск. 1-й и Соф. 1-й сильно настораживает. Все та же статья 7031 г. завершается в первой из них фразой: «И повелѣ ю пострици в черницы»¹⁸⁶. Что речь идет не о простом намерении или предварительном решении, а именно о пострижении Соломонии, произошедшем, как известно, только в конце 1525 г.¹⁸⁷, явствует из летописной статьи следующего, 7032 года, под которым записаны известия 1526 г. о втором браке Василия III и поставлении архиепископа Макария в Новгород¹⁸⁸. Таким образом, известие о разводе Василия III приходится на существенный хронологический сбой в летописи, что заставляет делать выбор между 1523 и 1525 г. или же распределять описанные события между этими годами¹⁸⁹.

Как нам представляется, все известие Прод. Пск. 1-й от слов «а великому князю своя бысть кручина» до конца статьи 7031 г. представляет собой вставку в летописный текст, сделанную, судя по значительной ошибке в хронологии, намного позже описываемых событий, вероятно, уже при составлении свода 1547 г. Редактор решил, видимо, дополнить местные псковские записи, уже разбитые по годам, изложением важного события общегосударственного масштаба, о предыстории которого он имел, к тому же, собственный источник информации (воспоминания очевидца или недатированную запись). Не помня точно года, когда Василий III развелся с женой и вступил в новый брак, и не имея возможности или потребности уточнить дату, он наугад (приблизительно либо по самонадеянности) вставил это сообщение под тем

¹⁸⁵ Об оппозиции разводу см.: *Тихомиров М.Н.* Новый памятник московской политической литературы XVI в. С. 156, 157; *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. С. 277, 278; и мн. др.

¹⁸⁶ Псковские летописи. Вып.1. С. 103; ср.: ПСРА. Т. 6. С. 30.

¹⁸⁷ См.: *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. С. 295.

¹⁸⁸ Псковские летописи. Вып. 1. С. 103. Прод. Соф. 1-й и это сообщение дает под 7031 г. (ПСРА. Т. 6. С. 30).

¹⁸⁹ А.А. Зимин однозначно датирует решение боярской думы осенью 1523 г., проигнорировав несоответствие в хронологии (*Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. С. 258). Так же безоглядно принимают номинальную датировку Пск. 1-й — Соф. 1-й (и, соответственно, Зимина) Л.Е. Морозова (*Морозова Л.Е.* Знаменитые женщины Московской Руси: XV–XVI века. М., 2014. С. 213) и А.И. Филюшкин (*Филюшкин А.И.* Василий III. С. 273).

летописным годом, который наиболее всего, по его мнению, соответствовал истине. Поводом сделать вставку именно в этом месте годовой статьи могло стать упоминание здесь великого князя, вследствие чего образовалась довольно странная и даже нелепая конструкция, создающая такое впечатление, что Василий III отказал в помощи архиепископу Рижскому, потому что ему в это время «своя бысть кручина» о великой княгине¹⁹⁰. Вопрос о разводе, конечно же, не заслонял всех прочих государственных дел, тем более не мог он помешать оказать помощь нужной стороне в зарубежном конфликте сугубо локального свойства, и отказ Василия III был вызван, разумеется, не этим. Составитель или редактор свода не стремился связать два эти события иначе, как чисто хронологически. Мало того, есть основания полагать, что и логическое завершение этого вставного фрагмента, отнесенное в Пск. 1-й к следующему году, первоначально было записано под тем же самым годом, как окончание единой вставки. И в Прод. Соф. 1-й, восходящей к общему с Прод. Пск. 1-й протографу, и в Пск. 3-й¹⁹¹ оба известия (о разводе и втором браке Василия III) записаны под одним, 7031 г. При этом практически идентичный (за вычетом сокращений) текст соответствующего известия Соф. 1-й прямо продолжает годовую статью Пск. 1-й тем самым предложением, которое в последней отнесено вглубь статьи 7032 г. Эти наблюдения склоняют к предположению, что на какой-то стадии редактирования свода 1547 г. сделанная первоначально под 7031 г. единая обширная вставка была разбита надвое, и конец ее был отнесен к следующему году¹⁹². Данное изменение нашло отражение не во всех рукописях, часть из них могли сохранить прежнее чтение, перешедшее затем в Прод. Соф. 1-й.

Если наше предположение о вставке в летописную статью, сделанной гораздо позже по памяти или наугад, соответствует действительности, то отпадает всякая необходимость датировать хотя бы часть описанных в этой вставке событий 1523 годом. Все они могут быть в реальности отнесены к 1525/6 г., что и подразумевается соответствующими статьями Соф. 1-й и Пск. 3-й, ставя-

¹⁹⁰ Археографы, передававшие указанный пассаж в разных изданиях, предпочитали продолжить словами «а великому князю...» и т.д. предыдущее предложение «И князь великий не да емоу силе», поставив после него запятую. Вероятно, это и помешало исследователям обнаружить весьма заметный, как нам кажется, текстологический шов.

¹⁹¹ Псковские летописи. Вып. 2. С. 227.

¹⁹² К этому псковского редактора могло побудить помещенное под 7032 г. (также анахронично) повествование о поставлении и деятельности архиепископа Макария, который, как, возможно, было известно редактору, прибыл в Новгород в год свадьбы Василия III и Елены Глинской.

щими их под одним годом, но с хронологическим сдвигом. Проверить это можно, сопоставив указание на поездку Василия III «того же лѣта» «в объездъ» и его возвращение «тоя осени из объезда» (если только слова «тоя осени» не домысел позднейшего редактора Пск. 1-й) со сведениями о царских выездах, сохранившимися в других летописях. А.А. Зимин отождествлял упомянутый объезд с посещением Василием III и его братьями городов к востоку от Москвы в июле–сентябре 1523 г.¹⁹³ Это, на первый взгляд, не противоречит показаниям Пск. 1-й — Соф. 1-й (хотя и не может, за отсутствием совпадающих деталей, служить подтверждением их хронологии), но нельзя забывать уже не раз отмеченную особенность счета времени в летописях. Возвращение Василия III в Москву в середине сентября (правда, Тип. и Волог.-Перм. указывают на начало октября) могло быть отнесено летописцами к лету, а не к осени. Кроме того, псковское известие ничего не говорит ни о братьях, ни о военном характере «объезда», не говоря уже о сомнительной терминологической тождественности обычного ежегодного объезда с военным походом. Все это, вкупе с отмеченной хронологической неувязкой в летописях, делает версию Зимина

¹⁹³ *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. С. 258; ср.: *Он же.* Дмитровский удел и удельный двор во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 187; *Он же.* Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия: С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 187; ПСРА. Т. 24. С. 222; Т. 26. С. 212; Т. 34. С. 14; ПХ 1512. С. 281 (под 7032 г.); *Тихомиров М.Н.* Новый памятник московской политической литературы XVI в. С. 162. В первой из указанных работ А.А. Зимин называет это летней поездкой по городам, а чуть ниже — поездкой по городам «и монастырям» (?), хотя все летописные сообщения ясно говорят о военном походе на Казань, который по каким-то причинам «умедлиша» и фактически был перенесен на следующий год (ср.: *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. С. 253: «государь отправился в необычную летнюю поездку по городам и монастырям [...] откуда должен был начаться Казанский поход»). Лишь подробное описание маршрута от Москвы до Нижнего Новгорода в одной из летописей (Тип.) создает некоторое впечатление обычного церемониального объезда-паломничества. Далее ученый утверждает, что Василий III взял с собой «в летнюю поездку по городам» своих братьев «[в]виду сложности обстановки», вызванной нерешенностью вопроса о разводе и притязаниями Юрия (Там же. С. 258). Однако прямо вытекающее из показаний источников понимание этой поездки как военного похода делает такое предположение излишним — удельные братья всегда (или почти всегда) сопровождали великого князя в его походах (иную интерпретацию см.: *Он же.* Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. С. 187).

не только недоказанной, но и весьма уязвимой. Необходимо поискать альтернативные варианты «объезда».

И такие варианты действительно обнаруживаются. Большинство летописей за эти годы умалчивает о рутинных перемещениях великого князя, но Постниковский летописец представляет исключение. Интересующие нас сведения за 7032 г. в нем отсутствуют, но под следующим 7033 (1524/5) годом Постн. сообщает: «Того же лета ездил князь велики Василей с великою княгинею в объезд на Волок и в Можаяск»¹⁹⁴ (к сожалению, точнее время этого объезда не указано, но расположение известия внутри летописной статьи позволяет предположительно относить его к концу весны — началу лета, т.е. приблизительно к маю–июню¹⁹⁵). «Тое же осени»¹⁹⁶, с 10 сентября по 10 ноября 1525 г., «ездил князь велики в объезд» (куда — не сказано)¹⁹⁷. Таким образом, у нас имеются по крайней мере еще два великокняжеских объезда (причем названные именно этим словом), с которыми можно соотнести «объезд» псковского известия. Из них, пожалуй, второй наиболее соответствует подробному рассказу Пск. 1-й (в Соф. 1-й он сильно сокращен) и другим известным фактам. Во-первых, совпадает указание на осень. Если составитель псковской летописи имел основания считать, что объезд начался не позднее сентября, то вполне естественно было и весь рассказ поместить под одним сентябрьским годом. С другой стороны, различие в словоупотреблении («того же лета» и «тоя осени») говорит за то, что начало и конец поездки мыслились летописцем принадлежащими к разным “сезонам”, что очень хорошо соответствует хронологическим рамкам второго объезда (сентябрь вполне мог считаться летним месяцем). Во-вторых, во втором объезде, если судить по использованному в Постн. выражению, не участвовала супруга Василия III, а такая ситуация намного больше подходит для обсуждения со спутниками темы бесплодия, с явным намеком на необходимость найти выход их этого прискорбного положения. Наконец, возвращение именно из этого объезда очень близко совпадает с известным временем пострижения Соломонии (конец

¹⁹⁴ ПСРА. Т. 34. С. 15. На это же и следующее известие в другом месте своего труда ссылается А.А. Зимин (*Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. С. 295).

¹⁹⁵ К тому же, более ранние сроки маловероятны из-за весенней распутицы, а более поздние — из-за стоявшей «от троицины дни до успения богородици» сильной засухи с лесными и травяными пожарами, «и мгла бысть велика 4 недели» (ПСРА. Т. 34. С. 15).

¹⁹⁶ Это известие случайно попало в конец годовой статьи 7033 г., но летописец быстро поправляется.

¹⁹⁷ ПСРА. Т. 34. С. 15.

ноября¹⁹⁸). Интервал в две недели с небольшим вполне подходит для заседания боярской думы, о котором псковское известие говорит как раз между возвращением из объезда и пострижением, а также для других необходимых приготовлений. Поэтому вполне возможно и даже очень вероятно, что и упомянутое заседание думы имело место осенью 1525 г. (а не 1523 г., как считал А.А. Зимин) и непосредственно предшествовало пострижению.

Итак, связи между уходом из жизни царевича Петра и составлением дополнения к завещанию Василия III, о которой писал А.А. Зимин, по всей видимости, не существует. С другой стороны, инициирование великим князем бракоразводного процесса именно в 1523 г., хотя и не может быть полностью доказано в силу неполноты и противоречивости источников, все же представляется вероятным. Но есть ли вообще зависимость между этим событием и смертью Петра, постулируемая А.А. Зиминим? Такая зависимость выглядит очень проблематичной, если не совершенно невозможной, хотя бы по соображениям хронологического порядка. Сам же историк указывает, что церковный собор должен был начать свою работу где-то в начале февраля 1523 г., тогда как смерть царевича Петра датируется 13 марта того же года¹⁹⁹. К этому можно добавить, что обе дошедшие до нас грамоты, извещающие о созыве собора, отправлены из Москвы 23 января 1523 г. Это означает, если принять предложенную версию о причине созыва собора и согласиться с логическим построением Зимина, что в Кремле знали о неминуемой близкой кончине царевича еще почти за два месяца до нее самой. Такое развитие событий, конечно, можно было бы условно предположить, но в подобной конструкции ощущается явная натяжка, которую сам автор не только не попытался объяснить, но даже не отметил. Таким образом, обе части последнего рассмотренного нами доказательства гипотезы А.А. Зимина оказываются основанными на весьма шатких предположениях.

Переходя ко второй составной части гипотезы А.А. Зимина, которая касается кн. Федора Михайловича Мстиславского, выехавшего из Литвы в Москву в 1526 г. и через некоторое время получившего в жены по воле Василия III старшую из двух дочерей и сонаследниц покойного царевича Петра²⁰⁰, необходимо сказать,

¹⁹⁸ См.: *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. С. 295, прим. 105.

¹⁹⁹ Там же. С. 258, 257. Заметим, что отсутствие в официальном летописании сообщения о смерти Петра мало соответствует положению формально признанного наследника.

²⁰⁰ Подробнее см.: *Иглесиас Р.Ф.* *Nomina novus*. С. 24–26, 34–39.

что она во многом опирается на предположение о Петре как наследнике престола, и отношение к ней напрямую зависит от доказанности или недоказанности последней. А.А. Зимин по существу не выдвигал самостоятельных доказательств своей гипотезы применительно к Мстиславскому. Его аргументы в отношении последнего сводятся к следующему.

1) Василий III, чей брак с Еленой Глинской в течение нескольких лет также оставался бездетным, должен был «снова задуматься над судьбами престола». Поскольку ранее «наследником великого князя, вероятно, был умерший теперь уже царевич Петр», Василий III, устраивая брак дочери Петра с князем Федором, «мог рассчитывать на то, что он в будущем сможет передать русский престол Мстиславскому»²⁰¹.

2) Между присягой (крестоцеловальной записью), данной в 1529 г. Ф.М. Мстиславским, и более ранней присягой царевича Петра имеется сходство²⁰². Этот аргумент подробно разобран нами в разделе о царевиче Петре.

3) Причиной попытки бегства Мстиславского в Литву, о которой говорится в его второй «укрепленной грамоте» 1531 г., могло стать разочарование в перспективе занять со временем русский престол после рождения у Василия III сына²⁰³. Строго говоря, автор использует этот тезис не в качестве доказательства, а скорее как возможное следствие из ранее высказанного предположения. Так или иначе, предложенная причина остается чистой воды догадкой, подробнее обсуждать которую здесь не имеет смысла.

Первый и второй из вышеприведенных доводов, как нетрудно заметить, целиком и полностью опираются на предположение о том, что некогда наследником великого князя был Петр. Таким образом, по мысли автора, статус покойного Петра как бы передавался по наследству его зятю. Иными словами, наследование московского престола теперь уже дважды должно было переходить через женские руки. Предполагаемый новый наследник приходился, по своей жене, племянником Василию III, не состоя с ним (как и ранее Петр) в кровном родстве. Кроме того, своеобразное перенесение гипотезы о царевиче Петре на князя Мстиславского требует еще одного сопутствующего допущения. Предполагается, что Василий III уже не надеялся получить наследника во втором браке и потому вновь начал искать преемника на стороне. При

²⁰¹ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 316; ср.: *Он же*. В канун грозных потрясений. С. 26.

²⁰² Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 316; *Он же*. В канун грозных потрясений. С. 26.

²⁰³ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 376.

этом остается неясным, предлагал ли А.А. Зимин считать Мстиславского официальным наследником престола (как до этого царевича Петра), или же полагал, что его могли держать “в резерве”, на самый крайний случай. Авторская формулировка скорее заставляет думать о втором варианте. Как видим, предположенные историком аргументы в данном случае не только вторичны, но и предполагают принятие ряда дополнительных допущений.

Обстоятельно рассмотрев один за другим аргументы, выдвигавшиеся А.А. Зиминим в доказательство своей гипотезы о царевиче Петре и кн. Ф.М. Мстиславском, мы приходим к заключению, что все они или несостоятельны, или недостаточно убедительны, а в том, что касается Мстиславского, еще и производны от первой части гипотезы. Многие построения исследователя включают цепочки взаимозависимых предположений и догадок, каждая или большинство из которых при тщательном рассмотрении оказываются основанными на недоразумении, произвольных толкованиях или явных натяжках, что сводит кумулятивный эффект их доказательной силы практически к нулю. Этот вывод, конечно же, не равносителен утверждению, что Петр или даже Мстиславский *не мог* быть или неформальным образом считаться наследником русского престола. Он говорит лишь о том, что смелая, остроумная и внешне очень привлекательная гипотеза видного отечественного историка остается пока что недоказанной. Сам Александр Александрович, обладавший замечательной способностью увлекаться своими научными поисками, целиком отдаваться идее, которую он считал новаторской и революционной в науке, но при этом никогда не терявший внимания и уважения к историческому источнику как первооснове любой истинно научной реконструкции, не мог не замечать слабости и недостаточной обоснованности рассматриваемой здесь теории, аргументацию которой никак не удавалось привести в стройную и убедительную систему, — и виной тому, очевидно, не недостаток знаний, эрудиции и научных талантов (всего этого Зимину было не занимать), а острый дефицит объективных доказательств как таковых. Видимо, по этой причине ученый и не включил упоминание об этой гипотезе в свое фундаментальное исследование, подводившее итог его многолетним изысканиям в области генеалогии и просопографии.

Что касается нашей собственной точки зрения на данную проблему, то она на сегодняшний день сводится к тому, что ни царевич Петр, ни кн. Ф.М. Мстиславский никогда не был наследником Василия III и не считался таковым ни формально, в силу завещательного распоряжения или иного юридического акта, ни фактически. Подобное решение, при всех его кажущихся с позиций сегодняшнего дня выгодах и преимуществах, означало бы такой реше-

тельный и бесповоротный разрыв с собственной династической (а значит, легитимирующей существующую власть) традицией, на который нарождающееся московское самодержавие, несмотря на очевидную и все более явную тенденцию к неограниченной автократии, еще не могло, по всей видимости, в то время осмелиться. Конечно, время правления как самого Василия III, так и его отца и, в особенности, его сына знает достаточно примеров не менее скандального нарушения общепринятых и освященных традицией норм и поведенческих стереотипов. Поэтому теоретически предположение о радикальной смене при Василии III традиционного порядка престолонаследия в смысле утверждения воли правящего государя как единственного источника права в этой сфере (к чему, как мы видели в начале настоящей статьи, Иван III уже сделал в свое время решительный шаг) вполне имеет смысл. Однако вопрос упирается в отсутствие более или менее убедительных конкретных доказательств реальности такого рода “монархической революции” в рассматриваемое время. Напротив, насколько мы в состоянии уловить в показаниях первоисточников мнения самих современников по интересующей нас проблеме, все они указывают на то, что возможными наследниками Василия III за все долгие годы его бездетности считались — как в положительном, так в отрицательном ракурсе — только его родные братья или ожидаемые в будущем дети. Особенно важны в этом отношении два прямых свидетельства: именование Дмитрия Углицкого наследником великого князя в летописной повести о его преставлении и выраженная А.М. Курбским убежденность в том, что в случае бездетной смерти Василия Ивановича ему должен был или имел право наследовать его брат Юрий. Более того, сам Василий III, видимо, не рассматривал как своих возможных преемников никого другого, кроме собственных братьев или детей, о чем красноречиво свидетельствуют его собственные слова в передаче псковского летописца, которые уже цитировались нами выше²⁰⁴. Именно в таком смысле следует понимать формулируемую в этих словах жесткую альтернативу двух возможных вариантов престолонаследия. К этому можно прибавить строки Похвального слова Василию III, написанного в последние годы его жизни: «Желаше бо по премногу от плода чреву своего посадити на престолъ своем в наслѣдие роду своему»²⁰⁵.

²⁰⁴ Псковские летописи. Вып. 1. С. 103. А.А. Зимин в своей монографии также целиком приводит эту цитату, но оставляет без внимания заключенный в ней принцип (Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 258).

²⁰⁵ Розов Н.Н. Похвальное слово великому князю Василию III (далее — Похвальное слово) // Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965. С. 283.

Таким образом, в продолжение обоих рассмотренных нами хронологических отрезков, как до смерти Дмитрия Углицкого в 1521 г., так и после нее до 1530 г., мы располагаем, при всем дефиците имеющихся сведений, некоторым минимумом прямых и косвенных указаний, позволяющих не искать возможных наследников великокняжеской власти за пределами ближайшего круга кровных родственников Василия III, то есть его родных братьев²⁰⁶.

В заключение представляется необходимым разобрать вопрос о том, кто же именно мог являться предполагаемым наследником престола в последние годы бездетного правления Василия III. Прежде всего нас интересует, как и на всем протяжении настоящей статьи, то лицо, которое было *признано* (будь то де-юре или де-факто) в качестве наследника самой великокняжеской властью, ибо наличие притязаний на преемство бездетному брату со стороны, как минимум, кн. Юрия Дмитровского²⁰⁷ сомнений не вызывает.

Выше уже говорилось о том, после скоропостижной смерти Дмитрия Углицкого, в котором мы предлагаем видеть факти-

²⁰⁶ Такой порядок подкреплялся и общими правилами наследования, действовавшими в гражданском праве того времени: «Кто умер без духовной, тому наследует сын, нет сына — дочь, нет дочери — ближний от его рода» (*Дювернуа Н.Л.* Источники права и суд в Древней России. Опыт по истории русского гражданского права. СПб., 2004. С. 136, 149, 150). Несколько озадачивает, с другой стороны, одно место из Похвального слова, символизирующее ликование всех православных, восклицающих: «Уже да не въскочит чужий посѣтителъ на стадо Христово, да не сядет уже к тому от иного племени на престолѣ Рускаго царствия и да не предложит прѣдѣлов, иже уставлени суть от прежних наших государев православных» (Похвальное слово. С. 288). Напыщенный стиль панегирика, пересыпанный гиперболами, затрудняет понимание смысла сказанного. Данную цитату можно толковать и в пользу гипотезы А.А. Зимина, и как намек на связи Юрия Дмитровского с иноплеменниками и иноверцами (Литвой и татарами), и как доведенную до крайнего предела тенденцию этого сочинения представлять дело таким образом, будто бы вовсе не существовало законных наследников великого княжения в лице родных братьев Василия III (ср.: Там же. С. 286; *Зимин А.А.* Выпись о втором браке Василия III. С. 142, 146 — «[...] чтобы неповинно было царствие его иным приходящим царем, был бы ему наследник их сродствия [...]», 147; *Тихомиров М.Н.* Новый памятник московской политической литературы XVI в. С. 165).

²⁰⁷ Зимин пишет о «династических иллюзиях» дмитровского князя (*Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. С. 258). Возможно, несоменные династические права Юрия именно в таком свете представлялись Василию III, глазами которого историк предпочитает смотреть на все его конфликты с удельными братьями.

ческого наследника великого князя, в начале 1521 г. отношения Василия III со старшим из его братьев Юрием Дмитровским как будто стали приходить в норму. Возможно, причиной тому стало признание его наследственных прав, на которое, как можно предположить, наконец был вынужден пойти Василий III. Однако относительная гармония между братьями продлилась недолго. Развод и второй брак великого князя (конец 1525 — начало 1526 гг.), несомненно, самым прямым образом задевал интересы князя Юрия. Уже суд над Максимом Греком в первой половине 1525 г., одним из не предъявленных официально, но вероятных мотивов которого было неодобрение ученым монахом предстоящего развода Василия III, должен был встревожить дмитровского князя, лично присутствовавшего на процессе²⁰⁸. Н.В. Синицына не вполне точно и несколько дезориентирующе утверждает, что церковные соборы-судилища 1525 и 1531 гг. были также важным звеном в решении вопроса о престолонаследии²⁰⁹. Во-первых, с этим вопросом мог быть косвенно связан лишь первый из указанных соборов, во-вторых, никаких тем, касающихся престолонаследия, собор 1525 г., насколько известно из имеющихся источников, прямо не касался, что явственно следует и из приводимого автором перечисления обсуждавшихся на нем вопросов²¹⁰. Исход соборных заседаний мог иметь влияние на наследование престола лишь постольку, поскольку, как указывает исследовательница, «[п]о-видимому, одной из скрытых причин обвинения (Максима Грека — *Р.И.*), не упоминавшихся в офиц[иальных] документах,

²⁰⁸ Список с судного списка. Прение Данила, митрополита Московского и всея Руси, со иноком Максимом Святогорцем // ЧОИДР. 1847. № 7. Отд. 2. С. 1; Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. М., 1971. С. 90. О возможной связи некоторых фигурантов процесса над Максимом Греком с кн. Юрием см.: *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. С. 273, 276, 277; *Он же.* Дмитровский удел и удельный двор во второй половине XV–первой трети XVI в. С. 188. В вопросе о разводе, по мнению А.А. Зимина и ряда других историков (например, см.: *Плигузов А.И., Семенченко Г.В.* Митрополит Даниил и вопрос о наследнике Василия III // *Русская книжность XV–XIX вв.* М., 1989. С. 139–154), совпали интересы нестяжателей и Юрия Дмитровского, пользовавшегося поддержкой иосифлян. Но тогда возникает вопрос: на чью же активную поддержку опирался Василий III, сумевший успешно осуществить свой крайне рискованный замысел, и почему противодействие нежелательному второму браку не сплотило, хотя бы на время, обе влиятельные группировки, так и не сумевшие его предотвратить или составить ему достаточно мощную оппозицию?

²⁰⁹ *Синицына Н.В.* Василий III Иоаннович // *Православная энциклопедия.* М., 2004. Т. 7. С. 120.

²¹⁰ Там же. С. 121.

могло быть отрицательное отношение афонского монаха и Вассиана к разводу и новому браку вел[икого] князя»²¹¹. Читателю-неспециалисту было бы, вероятно, крайне затруднительно связать последнее, корректно сформулированное пояснение со слишком общим утверждением, приведенным выше, которое может создать неверное представление о сущности данного собора.

²¹¹ Там же. Пользуясь случаем, приведем еще несколько возражений на некоторые утверждения, содержащиеся в указанной статье. Н.В. Сеницына расценивает факт земельного описания Старицы и Вереи в 1516/17 г. как показатель напряженности в отношениях кн. Андрея, в удел которого входили указанные города, с Василием III (Там же. С. 117). При этом игнорируется не только отсутствие в источниках указаний на такую напряженность для столь раннего времени, но и установленное в историографии время фактического назначения удела Андрею Старицкому. Далее, исследовательница связывает факт несостоявшегося великокняжеского или царского венчания Василия III «по-видимому» с отсутствием у Василия III (прямого) наследника (Там же), никак не поясняя своей мысли. На это можно возразить, помимо проблематичности провести четкую логическую связь между двумя этими фактами, что отсутствие наследника вовсе не могло стать препятствием для венчания в первые годы самостоятельного правления Василия Ивановича, когда новобрачные еще могли надеяться на скорое рождение у них детей, не говоря уже о времени между назначением Василия наследником и соправителем отца и его вступлением в брак (напомним, что на момент венчания Дмитрия Внука последний вообще был еще подростком, появления у него своего сына можно было ожидать не ранее чем через пару лет и лишь при условии скорой женитьбы). Нельзя согласиться и с мнением Н.В. Сеницыной о том, что проблемой престолонаследия были осложнены лишь последние годы правления Василия III (Там же. С. 116), — сам факт длительной бездетности великого князя, при его хроническом недоверии, во всяком случае, к старшему из братьев, не допускает такой возможности. На последние годы жизни Василия Ивановича приходится лишь обострение этой проблемы в связи с заключением спорного в каноническом отношении второго брака и рождением сына от этого брака при нескольких сомнительных обстоятельствах (необычно большой временной разрыв между бракосочетанием и появлением первенца не мог не порождать подозрения и слухи). К сожалению, неверно указан в специализированной энциклопедической статье год первого вступления в брак Василия III (Там же. С. 117); по всем летописным известиям, это событие произошло в 1505 г. (Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 67, там же ссылки на источники). Стоило бы также точнее указать день смерти Василия Ивановича: он умер не 3-го (Сеницына Н.В. Василий III Иоаннович. С. 115), а в ночь с 3 на 4 декабря 1533 г. (Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 395, там же ссылки на источники; также см.: ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 522 (= ПХ 1512. С. 285), 538; Т. 24. С. 224; Т. 26. С. 315, 321; Т. 29. С. 10; Т. 30. С. 147; Т. 34. С. 23, 167; Т. 43. С. 233; Псковские летописи. Вып. 1. С. 105; Вып. 2. С. 227), «11 час ночи», «в 12 час ночи»,

Главным козырем Юрия в борьбе за свои права наследника должна была стать сомнительная законность, с точки зрения церковных канонов, как развода по причине бесплодия, так и второго брака при жизни первой супруги²¹². На конец 1525 — первую половину 1526 гг. приданется большая серия жалованных грамот, выданных князем Юрием митрополицией кафедре²¹³. Жалован-

«в исход 12 часа ночи» или даже в начале 13-го часа, т.е. именно 4 декабря, если быть совершенно точным (многие летописи прямо указывают на этот день). Эта же дата указана в записи о поминальном вкладе по Василии III, сделанном от имени его сына и преемника в декабре 1533 или в 1534 г., как день его преставления (ЧОИДР. 1861. Кн. 2. Отд. 3. С. 18; ср.: Махрицкий монастырь. Синодик и вкладная книга // Там же. 1878. Кн. 3. С. 6; Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы Лавры. Ч. 2 // Там же. 1879. Кн. 2. С. 16; Чиновник новгородского Софийского собора // Там же. 1899. Кн. 2. Отд. 1. С. 56 (везде — 4 декабря)).

²¹² Апологетическая Повесть о втором браке Василия III настаивает, что Юрий и Андрей якобы сами, в числе прочих, настаивали на вторичной женитьбе старшего брата (*Тихомиров М.Н.* Новый памятник московской политической литературы XVI в. С. 165, 166). По крайней мере, в отношении Юрия это представляется крайне сомнительным. Произведение это вообще отличается чрезвычайной тенденциозностью и может служить ярким образцом официальной пропаганды того времени. Сообщению о мольбах князя Юрия к Василию III поскорее взять себе новую жену можно доверять ровно настолько же, насколько и тому, что Соломония сама слезно молила и чуть ли не заставила мужа отпустить ее в монастырь (Там же. С. 164, 165). С другой стороны, расширенное заседание боярской думы с участием братьев Василия III в связи с вопросом о разводе и втором браке вполне возможно (ср. упоминание в Повести «поместных» князей и бояр, которым, наряду с митрополитом и братьями, великий князь сообщает о своем решении: Там же. С. 165, 166). Принцип формального единодушия, в соответствии с которым всегда приводилось совместное решение государя, «братии» и бояр, делал Юрия как бы соавтором принятого решения, независимо от его личной позиции. Также обращает на себя внимание крайне почтительный тон автора Повести (очевидно, лица близкого к Василию III и писавшего по горячим следам) по отношению к Юрию и Андрею, отсутствие каких-либо упреков в их адрес, упоминание об их частом посещении великого князя. Это подтверждает нашу мысль о том, что в указанное время отношения между братьями не были резко враждебными и, вероятно, начали постепенно обостряться лишь в ходе самих этих событий. Василий мог постараться «послать пилюлю», предназначенную Юрию, предложив ему (быть может, притворно) новый компромисс.

²¹³ *Капитанов С.М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. // Археографический ежегодник за 1957 г. С. 334, 335. Похожие серии приходятся на лето 1530 г. и первую половину 1532 г. (Там же. С. 338–340), что можно было бы, по идее, поставить в связь (всего лишь гадательно) с ожидаемым в эти месяцы рождением сыновей Василия III.

ные грамоты митрополиту и монастырям регулярно выдавались Юрием и в предыдущие годы, однако такой всплеск активности наблюдается впервые. Соблазнительно было бы видеть в этом, как и в сходных грамотах Василия III за то же время, стремление противоборствующих сторон заручиться поддержкой духовных властей в период, когда решалось будущее русского престола²¹⁴. Однако требует объяснения, почему пик «иммунитетной войны» приходится на время уже после развода, тогда как, например, почти весь 1525 г. не отмечен иммунитетными актами Юрия. Реальные мотивы и закономерности выдачи жалованных грамот духовным корпорациям остаются пока еще недостаточно изученными. К сожалению, проследить за конкретными обстоятельствами новой фазы противостояния братьев не представляется возможным. Имеющиеся у нас источники не сообщают о каких-либо значительных конфликтах между братьями за это время, что, безусловно, не означает их действительного отсутствия. Подспудная напряженность, о которой можно только догадываться²¹⁵, даже теперь эль мешала внешнему соблюдению лояльности и придворного этикета, хотя известий о подобных фактах стало заметно меньше, чем в предыдущие годы²¹⁶. Лишь появление на свет первенца Василия III, видимо, переполнило чашу терпения Юрия Дмитровского — этим можно объяснить его отсутствие на крестинах.

Получателем грамот в это время выступает главным образом Макарьев Калязинский монастырь, имевший заметное политическое влияние, скорее всего, в пределах одного только Дмитровского удела.

²¹⁴ Именно к такому выводу пришли С.М. Каштанов и А.А. Зимин: *Он же. Монастырский иммунитет в Дмитровском уделе // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сб. статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961. С. 27–29; Он же. Социально-политическая история России... С. 269, 270; Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 257.*

²¹⁵ Свидетельством ее может служить инцидент с попыткой двух братьев Шуйских, младших представителей этого княжеского рода, отъехать от Василия III к Юрию в 1528 г. (см.: *Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. С. 314, 315; Он же. Дмитровский удел и удельный двор во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 188*). Юрий поспешил выдать беглецов, и открытого конфликта удалось избежать. Также см.: *Каштанов С.М. Социально-политическая история... С. 270; ср.: Иглесияс Р.Ф. К вопросу о предполагаемом наследнике Василия III между 1505 и 1530 гг. // Каптеревские чтения. Вып. 14. С. 279, 280.*

²¹⁶ За 1525–1530 гг.: ПСРА. Л., 1929. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 543, 544, 614; Т. 8. С. 273; Т. 20. 1-я пол. С. 406; Т. 24. С. 223; Т. 34. С. 16; Т. 43. С. 218; Список с судного списка. С. 1; *Тихомиров М.Н. Новый памятник московской политической литературы XVI в. С. 165, 166; РК 1598. С. 9, 71.*

Еще менее ясной представляется в это время фигура Андрея Старицкого, о роли которого в отношениях между двумя старшими братьями невозможно вынести сколько-нибудь обоснованного суждения. Положение удельного правителя, чувствующего над собою, как и все прочие братья, тяжелую руку государя всея Руси, могло сблизить Андрея с Юрием. Но вполне можно представить и использование Василием III самого младшего и, очевидно, наиболее безобидного из братьев в противовес Юрию и его амбициям. Трудно сказать, не пытался ли Василий III снова разыграть карту престолонаследия, восстанавливая младшего брата против старшего. В таком случае именно Андрею должны были быть предоставлены или обещаны прерогативы наследника. Так, Андрей, в отличие от Юрия, был рядом с великим князем на церемонии крещения его новорожденного сына Ивана²¹⁷. Не стала ли утрата старицким князем в августе 1530 г. этого высокого и почетного положения причиной его размолвки с Василием III и возобновления союза с Юрием, что привело, по всей видимости, в начале 1531 г. обоих братьев к серьезному конфликту с великим князем²¹⁸? Здесь мы вступаем в область чистых догадок, кото-

²¹⁷ Похвальное слово. С. 284–286.

²¹⁸ Неподтвержденное известие о мятеже Юрия и Андрея против Василия III см.: Акты Литовско-Русского государства / Изд М.[В.] Довнар-Запольский. М., 1899 (1900). Вып. 1. С. 240. М.В. Довнар-Запольский датировал содержащий это известие документ (королевский ответ послам панов-рады) 1529 годом. Уже вскоре после выхода указанного сборника М.К. Любавский убедительно показал ошибку в датировке Довнар-Запольского, сам же отнес данный документ к 1532 г. (*Любавский М.К. Литовско-русский сейм: Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства. М., 1901. С. 260, 257*). В рецензии на эту книгу М.В. Довнар-Запольский уже не настаивал на прежней дате, однако не принял и датировку Любавского, доказав, в свою очередь, ее несостоятельность и предложив новый вариант хронологии двух королевских посланий: конец 1530 — начало 1531 гг. (*Довнар-Запольский М.В. Спорные вопросы в истории литовско-русского сейма // Журнал Министерства народного просвещения. 1901. Ч. 337. Октябрь. С. 493, 494*). М.К. Любавский в ответной рецензии не дал себе труда разобраться в хронологических возражениях Довнар-Запольского, изложенных, надо признать, не самым удачным образом. Единственная уступка, на которую он скрепя сердце согласился, — это возможность передвинуть дату Виленского сейма (напрямую зависящую от датировки разбираемого документа, составленного вскоре после его завершения) на конец 1531 г., упрямо настаивая при этом на допустимости и ранее предложенной им даты (*Любавский М.К. Новые труды по истории литовско-русского сейма // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. Ч. 346. Март. С. 145*), которой он также предпочитал придерживаться впоследствии. К мнению Любавского о созыве

рые, как известно, дело неблагоприятное. Можно лишь с известной осторожностью констатировать, что после временного затишья взаимоотношения между великим и удельными князьями вновь вступили в зону турбулентности и неопределенности.

Появление на свет долгожданного сына Василия III в августе 1530 г. должно было, несомненно, еще более обострить его конфронтацию с Юрием или сразу с обоими братьями. Рождение княжича Ивана давало его отцу повод окончательно откреститься от давно уже тяготивших его прав Юрия Дмитровского на наследование великокняжеской власти. Но оно не могло заставить самого Юрия отказаться от этих прав. К сомнениям в законности брака родителей младенца, бросавшим тень и на его собственное рождение, прибавились теперь сомнения иного рода, о которых

сейма в начале 1532 г. присоединился А.А. Зимин, очевидно, не знавший о возражениях Довнар-Запольского и вообще о возникшей по этому вопросу полемике (*Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. С. 378; *Он же.* Дмитровский удел и удельный двор во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 189; *Он же.* Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. С. 180). Между тем, данные русских посольских книг, на которые ссылается в своей рецензии Довнар-Запольский, не только убедительно подтверждают справедливость его критических замечаний, но и позволяют существенно уточнить сделанные им выводы. В рассматриваемом документе упоминается о посылке (произошедшей уже некоторое время тому назад) в Москву О. Бокея с целью разузнать подробности о мятеже Юрия и Андрея, а затем говорится о том, что после его возвращения следует послать в Москву нового гонца за охранными грамотами для литовских послов (Акты Литовско-Русского государства. Вып. 1. С. 240, 242). Между тем, известно, что О. Бокей (Бокеев) первый раз прибыл в Россию в конце апреля 1531 г., имея при себе королевскую грамоту от 15 марта того же года (возможно, отправленную на самом деле не из Кракова, а из Вильны, и несколькими днями позже указанной в ней даты), а назад в Литву поехал 8 мая, вторая же его посылка в Москву (и именно с просьбой о выдаче охранной грамоты) состоялась после 1 октября 1531 г. — даты привезенной им новой грамоты от короля (ПДСПЛ. Т. 1. С. 835, 836, 839, 840). Следовательно, указанный выше документ был составлен между концом марта — апрелем и маем — началом июня 1531 г. (позднее этого срока в Кракове уже должны были знать о возвращении гонца и писать об этом как о свершившемся факте). Предлагаемая датировка подтверждается отсутствием в королевском послании упоминания о победе поляков над молдавским господарем в августе 1531 г. (см.: *Довнар-Запольский М.В.* Спорные вопросы в истории литовско-русского сейма. С. 493), хотя в нем много говорится о войне с Молдавией. Тогда сами упомянутые в этом послании события, о которых стало известно еще до первой поездки О. Бокея в Москву, должны были происходить не позднее марта, скорее всего, в феврале 1531 г. (на год раньше, чем полагал А.А. Зимин, с которым мы поспешили солидаризоваться в первой части статьи).

мы уже упоминали. Поэтому князь Юрий мог по-прежнему считать себя законным наследником престола. Тем не менее, в одном отношении август 1530 г. представляет несомненную и важную веху. Отныне у Василия III появился прямой потомок, которого он мог объявить своим единственным и безусловным преемником. Затянувшаяся головоломка с московским престолонаследием наконец завершилась — во всяком случае, с точки зрения великого князя. Юрий и Андрей могли еще долго питать свои «династические иллюзии» (теперь это выражение А.А. Зимина представляется более уместным), но они были не в состоянии изменить вполне предсказуемое решение Василия III, сделавшего свой окончательный выбор.

Резюме. В окончании статьи подробно рассматривается (впервые в историографии) гипотеза А.А. Зимина, согласно которой возможными наследниками Василия III в пору его бездетности могли быть казанский царевич Петр Ибрагимович (ум. 1523), а позднее (после 1526 г.) зять последнего кн. Ф.М. Мстиславский. В статье также дан обстоятельный очерк биографии царевича Петра, основанный на изучении всех доступных источников. Внимательное изучение выдвинутых автором рассматриваемой гипотезы аргументов в сопоставлении с показаниями первоисточников приводит к выводу о слабой обоснованности выдвинутого А.А. Зиминим и впоследствии принятого рядом исследователей предположения, остающегося интересной, но до сих пор не доказанной догадкой, во многом, очевидно, не удовлетворявшей и самого автора. В продолжение основной темы исследования делается попытка проследить возможные линии преемства статуса наследника русского престола после смерти в 1521 г. кн. Дмитрия Ивановича Углицкого. Имеющиеся в нашем распоряжении отрывочные данные позволяют полагать, что в период ок. 1521–1525 гг. наследником Василия III был наконец признан кн. Юрий Иванович Дмитровский, что создало условия для относительной нормализации отношений между старшими сыновьями Ивана III в эти годы. Достигнутый компромисс был разрушен разводом и вторым браком Василия III в конце 1525 — начале 1526 гг. Эти события положили начало новому этапу нестабильности в отношениях между великим князем и его удельными братьями, в продолжение которого вплоть до 1530 г. вопрос престолонаследия оставался, по-видимому, объектом претензий и манипуляций противоборствующих сторон. Выяснить персональный статус наследника престола в этот период пока что не представляется возможным. Во всяком случае, выявленные на сегодня данные, как прямые, так и косвенные, не дают достаточных оснований для предположения, что в качестве наследников Василия III в любой период его правления рассматривался кто-либо, кроме его ближайших родственников по крови — родных братьев или будущих детей, на рождение которых великий князь никогда не оставлял надежд.